

Н. В. Г о г о л ь

ПОЛЬЗА ДУШЕ, ПОЛЬЗА УМУ

***РАЗДУМЬЯ, МЫСЛИ
И НАСТАВЛЕНИЯ***

*Настоящая публикация подготовлена к печати П.А. Гелевой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Гоголь Н.В.

Польза душе, польза уму. Раздумья, мысли и наставления.

Гоголь - могучий чародей, дивный волшебник, чудеснейший искусник словесной магии, великий и неподражаемый художник русского слова; сочинитель, чьи мысли, образы и создания сопровождают всякого образованного русского человека на протяжении всей жизни; необычайно чуткий, вдумчивый и проникновенный исследователь движений и чаяний души человеческой, чье влияние на русскую культуру огромно и до сей поры едва ли измерено.

Большинству читающей публики Гоголь известен лишь как сатирик и юморист да ещё как романтик-сказочник. Вот, собственно, и всё. А то, что составляло самую суть его как человека, как художника, как мыслителя, доискивающегося до самых основ человеческой природы и тайн жизни, оказывается совершенно недоступным читателю.

Как ни прискорбно, только единицы среди русской читающей публики знакомы с напряжёнными духовными исканиями, которые составили главнейшую часть жизни писателя. Данная книга исправляет это досадное упущение: она – квинтэссенция всего, что осталось нам из помысленного этим удивительным человеком.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гоголь! Могучий чародей, дивный волшебник, чудеснейший искусник словесной магии. Гоголь!! Великий и неподражаемый художник русского слова. Сочинитель, чьи мысли, образы и создания сопровождают всякого образованного русского человека на протяжении всей жизни. Гоголь!!! Необычайно чуткий, вдумчивый и проникновенный исследователь движений и чаяний души человеческой, чьё влияние на русскую культуру огромно и до сей поры едва ли измерено.

И всё-таки приходится признать: влияние это однобоко и не столь благотворно, как могло бы быть. Ведь большинству читающей публики Гоголь известен лишь как сатирик и юморист да ещё как романтик-сказочник. Вот, собственно, и всё. И глубоко несправедливо это.

То, что составляло самую суть его как человека, как художника, как мыслителя, доискивающегося до самых основ человеческой природы и тайн жизни, оказывается совершенно недоступным читателю, ибо произведения, по которым можно было бы *так* судить о нём, изданы самым ничтожным тиражом. А значит, как ни прискорбно, только единицы среди русской читающей публики знакомы с напряжёнными духовными исканиями, которые составили главнейшую часть жизни писателя и полноценно отражены в его письмах – неисчерпаемой сокровищнице мудрости и красоты.

Но даже такое знакомство зачастую оказывается поверхностно, исполнено непонимания и самой откровенной антипатии. Хуже того, не обошлось и без чудовищной клеветы. Последние годы жизни Гоголя были исполнены особенно глубокого духовного содержания, и именно эти годы неблагодарное потомство с подачи раздражённых современников писателя заклеимило как «годы безумия»! Достаточно вспомнить хрестоматийный образ: «сломленный, полубезумный Гоголь, сжигающий 2-й том «Мёртвых душ»! И нелепый вердикт с налётом диагноза, вынесенный советским литературоведением – «религиозное помешательство».

Спору нет, жалко 2-го тома «Мёртвых душ»! Мы первые готовы скорбеть об этом. Но, справедливости ради, всем напомним, что это право автора – уничтожить собственное произведение. И безумие тут ни при чём. У автора поступить так, без сомнения, были веские причины. Здесь не место рассматривать эту проблему сколько-нибудь подробно, и мы только упоминаем о ней.

Так что же было самым важным в творчестве Гоголя? Ответ на сей вопрос недвусмысленно даёт он сам. Достаточно ознакомиться с его Завещанием, опубликованным в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Пятый пункт этого Завещания гласит:

«Возлагаю <...> обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а всё прочее, служащее для пустого развлечения, отвергнувши, издать отдельную книгу».

«Друзья» Гоголя в своё время не сочли нужным обременить себя исполнением этого наказа писателя. Поэтому можно лишь приветствовать только что вышедшую в московском издательстве «Starlight» подборку выдержек из гоголевских писем «Что может доставить пользу душе» (*составитель И.Р. Монахова*). Книга не так велика по объёму, как ей бы следовало быть, но главное в ней сказано. Идея же её, как ясно каждому, подсказана составителю самим автором. Это скромное и вполне достойное приношение со стороны *благодарных* потомков.

Но наша книга иная. Мы не ограничились посильным знакомством с письмами, но и сделали тщательный анализ *всего* творчества русского классика по указанным линиям, т.е. полностью использовали и то, что входит в 4-хтомные и 6-титомные собрания его сочинений. И что же вышло?

Обычно – и совершенно справедливо – всё это называется «христианской проповедью». Но мы предпочитаем рассматривать это как *раздумья и прозрения*. Проблески самопознания, горний свет, гармонии вечности...

В согласии с этим мы и придали всему форму «максим и рефлексий». Такой результат совершенно логичен; без сомнения, конструктивен; и, надо полагать, должен устроить всех. Книга сия – квинтэссенция всего, что осталось нам из помысленного этим удивительным человеком.

«Эка невидаль! – речёт иной досужий верхогляд. – Подумаешь, собрание выписок. Цитаты!»

«Э, нет, батенька!..» – ответит этому верхогляду новоявленный издатель и подкрепится словом Мандельштама: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна».

Но даже и это ещё не всё. Цитаты в оном собрании проставлены не как придётся. Ведь как обыкновенно поступают составители подобных опусов? Вестимо, как поедатели ягод и фиников: начинают с самых лучших, затем хватают всё подряд и, глядишь, кончают какой-нибудь дрянью.

Всё не так, всё здесь по-другому. Отдельно взятые цитаты приведены в систему, и каждая, исходя из общего смысла, поставлена на своё место. Переход от одной мысли к другой – насколько то позволяет наличествующий материал – происходит плавно и производит то же действие, что и основание волн. Ясное дело, что для этого не только нешуточное терпение и уйма времени, но и – не побоимся сего слова – зрелое *мастерство* требуются. А стало быть, и не верхоглядам судить о плодах подобного труда. Произведение должно говорить само за себя и не нуждаться в рекомендациях и оправданиях.

Мы, таким образом, представляем на суд русскочитающей публики сборник максим и рефлексий Гоголя как ещё одно его – оригинальное – произведение, вполне полноценное и заслуживающее не только выхода отдельной книгой, но и места в собрании его сочинений, буде к выпуску такового у новейших издателей снова появится охота.

Павел Гелевá

29 марта 2006г.

Москва, Новый Арбат,

в 355 шагах от дома, где был сожжён 2-ой том «Мёртвых душ».

ПУТЬ ЖИЗНИ ШИРОК

Мир – как водоворот: движутся в нём вечно мнения и толки; но всё перемальвает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твёрдые зёрна, остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооружённое строгим значением.

Читателям легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на всё, что делается внизу, где человеку виден только близкий предмет. И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные.

Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озарённый солнцем и освещённый всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведённые снисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолюстья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?

Путь жизни широк, но многие не знают его и идут дорогою смерти.

В юности каждый бывает лучше, нежели в остальное время своей жизни.

Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозна, страшна грядущая спереди старость, и ничего не отдаёт назад и обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: «Здесь погребён человек!», но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

У молодости есть будущее. Она говорит себе: «Ведь это ещё не жизнь, это только приготовление к жизни: настоящая жизнь на службе. Там подвиги».

Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблуждениям, смеётся над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнём исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отовсюду устремлён пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеётся текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки.

Сколько есть людей, которые судят, говорят и толкуют потому, что все суждения поднесены им почти готовые, и которые сами от себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили.

Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними: иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят.

Известное дело, что теории те только не ложны, которые возникли из опыта.

Жизнь везде жизнь, и чем меньше её простор и теснее её круг, тем основательнее и глубже он может быть нами исследуем и проникнут.

Не мы управляем делами и событиями, но чертится свыше всему черёд свой.

Желания наши гроша не стоят. Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник.

Разумный холод лет умудрит хоть кого.

Человек уже не может тем увлекаться, чем увлекается юноша.

Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неравной битве с ним?

Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей.

Они прекрасны, те мгновенья, когда прозрачною толпой далёко милые виденья уносят юношу с собой.

Молодость счастлива тем, что у неё есть будущее.

Природа любит терпение, и это закон, данный ей самим Богом, ублажавшим терпеливых.

На то и живёшь, чтоб срывать цветы удовольствия.

Быть в мире и ничем не обозначить своего существования – это кажется мне ужасным.

Каждому определяет Бог дорогу, не похожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мерить всех одним и тем же аршином.

Стремление узнать назначение своё есть страдание многих людей, одарённых способностями.

Но человек может ошибиться и принять за своё дело то, что только похоже на него.

Внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечётся без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. Внешнюю может вести и самый умнейший человек, если, блуждая вечно в лабиринтах ума, меняется поминутно во мненьях и системах и не стал на неподвижном якоре. Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге.

Мы все идём к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, куда ещё не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной *середины*, уничтоженья лжи и преувеличенностей *во всём* и снятия грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины.

Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путём религии и самопознания внутреннего, другой – путём изысканий исторических и опыта (над другими), третий – путём наук естествознательных, четвёртый – путём поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом – разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нём заключённой способности.

У всякого лежит какая-нибудь правда. Правду эту усмотреть может только всесторонний и *полный* гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нём состоянье *переходное*, то будет принято другими за *нормальное*. Вот почему всякому человеку, одарённому талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому.

У всякого есть своё внутреннее дело; у всякого совершается в душе своё собственное событие, на время его отвлекающее от участия в деле общем; и никак нельзя требовать, чтобы другой жертвовал собой и своей собственной целью для какой-нибудь нами любимой мысли или нашей цели, к которой мы предположили себе стремиться.

Есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять всюду, на всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека.

Никак не хочется заниматься тем, что нужно к спеху, а всё бы хотелось заняться тем, что не к спеху.

Спокойствие душевное есть первейшее благо, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще.

У кого на душе тепло, тому не холодно снаружи.

Быть откровенным и светлым – это принадлежность безмятежной души.

* * *

НАУКА ЖИЗНИ – ВОП ЧТО ВСЕГО НУЖНЕЕ

В награду за настойчивость я узнал следующую истину: уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений.

Всего нужнее человеку наука жизни. Узнав её, он узнает тогда сам, чем он должен заняться преимущественнее.

К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя Бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже и в малейшем выражении.

Если даже тебе случится рассердиться на кого бы то ни было, рассердись в то же время и на себя самого хотя бы за то, что сумел рассердиться на другого.

Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его.

Истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет.

От споров, как от огня, следует остерегаться, как бы ни сильно нам противуречили, какое бы неправое мнение нам ни излагали, не следует никак раздражаться, ни доказывать напротив; но лучше замолчать и, удалясь к себе, взвесить всё сказанное и обсудить его хладнокровно. Но и обсудивши не говорить, если чувствуем, что не можем сказать так, чтобы оно именно было доступно тому человеку, с которым говорим, или же если чувствуем, что не можем сказать хладнокровно и безгневно.

Если вам случатся какие-нибудь соблазнительные разговоры, не вооружайтесь против них суровостью и строгостью правил, а старайтесь лучше с детским смехом обратить разговор на что-нибудь другое, тоже пустое и светское, чтобы все видели, что вы не потому оставили этот разговор, что он оскорбил строгость ваших правил, а потому, что вы просто потеряли вкус к таким вещам.

Старайтесь, чтобы во всяком случае ваш разговор походил на тот ваш разговор, который вы ведёте тогда, когда бываете окружены одними добрыми душами.

Если прежде что-то так нравилось, зачем оно опротивело теперь? В том и другом следует дать себе отчёт, иначе всё, что ни случается с нами, случается напрасно и мы никогда не сделаемся умней.

Тогда-то и нужно ездить в общество, когда оно опротивело, тогда-то и не опасно быть в нём. Опасно там только, где всё нас прельщает. А где мы уже видим большие недостатки, там мы можем даже помочь: иногда в чём-нибудь поправить, иногда в чём-нибудь поучить (разумеется, осторожно и тонко, чтобы никак не заметили, что мы учим, а, напротив, увидели бы дружеский совет).

Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, лучше стараться иметь на них доброе влияние.

Не дурно руководствоваться какими-нибудь данными положениями относительно познания людей. Для этого есть, по моему мнению, два способа.

Те, которые не получили от природы внутреннего чутья слышать людей, должны руководствоваться собственным разумом, который дан нам именно на то, чтобы отличать добро от зла. Разум велит нам судить о человеке прежде по его главным качествам, а не по частным, начинать с головы, а не с ног. Прежде следует взять самое лучшее в человеке, потом сообразить с тем всё замеченное нами в нём дурное и сделать такую посылку: возможны ли, при таких-то хороших качествах, такие-то и такие мерзости? Которые возможны, те допустить, которые же сколь-нибудь противоречат возможности и спутывают нас, – те нужно гнать, как вносящие одно смущение в душу, а смущение известно откуда исходит к нам: оно исходит к нам прямо снизу. От Бога свет, а не смущение.

Да притом можно иногда и то себе сказать: точно ли я увидел так, как следует, вещь? Зачем такая гордая уверенность в непреложности и безошибочности взгляда? Всё же я человек, а не Бог. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мере, покойнее, если даже и не узнаешь совершенно человека, а сделавшись покойнее уже приложишь шаг к совершенному его знанию. Если же к беспокойству

нашему да подоспеет на помощь гнев, тогда и всякие зрячие глаза ослепнут.

Есть другой способ узнавать людей, гораздо действительнейший первого: нужно прожить долгою, погружённую глубоко в себя жизнью. Там обретёшь всему разрешение.

Света никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свет нужно всмотреться только в начале, чтобы приобрести заглавие той материи, которую следует узнавать внутри души своей. Это подтвердят тебе многие святые молчаливники, которые говорят согласно, что, поживши такою жизнью, читаешь на лице всякого человека сокровенные его мысли, хотя бы он и скрывал их всячески.

Не презирайте почему-либо дурного или порочного человека, особливо если он стоит на таком месте, что может иметь дурное влияние. Почему знать, может быть, вам удастся дурное превратить в хорошее. Не удалось – не отталкивайте, будьте, по крайней мере, всегда и равно благоприветливы.

Входите в какой бы ни было круг, хотя из двух человек, ясно и весело, как дитя; мы все должны быть дети и стараться хоть насильно быть безмятежны, как дети.

Будьте также несколько снисходительны к людям, умеете простить им иное несправедливое слово, пристрастное мнение или неразумное слово. Зачем быть так строго к другим? Неужели мы сами свободны от пристрастия и умеем не выходить из себя и быть покойными? Я, по крайней мере, с тех пор, как осмотрел себя хорошенько со всех сторон, стал гораздо снисходительнее к другим.

Я теперь не сержусь не только за слово, которое часто произносится необдуманно, но даже за самое щекошливое оскорбление, если бы только мне кто-нибудь нанёс его; и это происходит вовсе не от того, чтобы душа моя была так великодушна, но от того, что сам собою приходит на ум вопрос: да точно ли я сам не причинил никому оскорбления и не сказал кому-либо необдуманного и оскорбительного слова? И как только рассмотришь себя после такого вопроса получше, увидишь, что просто не имеешь даже права сердиться, хотя бы и хотел немножко посердиться.

Нам всем следует уметь прощать и помнить ежеминутно о том, что уменьем прощать мы более всего можем уподобиться Богу.

О, пусть погибнет эта обманчивая, заводящая человека в бездну и в погибель философия: *соображаться с тем, что скажут люди!* С нею и людям не угодишь, и Бога потеряешь навеки. Счастливцев же, соображающих свою жизнь с тем, что скажет Бог, сделается потом неминуемо любезен всем людям.

Пора, пора нам приняться наконец за главное дело и, бросив всякие наружные украшения, каких требуют люди, позаботиться не в шутку об украшении душ. Вспомните, что мы все уже в зрелых летах и что прожили уже больше, чем остаётся нам жить.

Пора, пора за дело! Не всё быть детьми. Другую, другую жизнь нужно повести, – простую, простую, какую ведёт уже человек, думающий о Боге. Для этой жизни немного нужно. Для жизни евангельской немного издержек.

Узкий только путь ведёт в Царствие Небесное, а широкий вводит в пагубу.

Всё зависит от Бога. Будем молиться Богу. Не стройте никаких затей и планов для детей своих в будущем и останавливайте воображение, которое так любит у человека разгуливать. Лучше смиренно молитесь о том, чтобы дети ваши спаслись, и ничего больше, а там что кому Бог пошлёт, это Его дело.

Нужно быть довольны нынешним состоянием, в котором каждый уже находится. Нужно молить Бога, чтобы дал силы в нынешнем состоянии исполнить свои обязанности, а не искать новых. И этих много обязанностей, и на эти едва достаёт времени, а мы ещё это драгоценное время да тратим на всякие мечтанья.

Вся беда оттого, что мы мало заботимся о главном. А если бы прежде подумали о Божеском, отложивши всё земное, – само бы собой устроилось земное, как и сам Спаситель сказал: «Ищите прежде правды и Царствия Небесного, а сия вся вам приложатся».

Нам следует ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостно,

не ликовать духом – даже грех. Поэтому и ты не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, но веселись беспрестанно, в беспрестанном выражении благодарности и признательности, вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной песнью благодаренья Богу.

Позаботься прежде о себе, а потом о других: стань прежде сам чище душою, а потом уже старайся, чтобы другие были чище.

Сила влияния нравственного выше всяких сил.

Боже! – часто говорю себе: – какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселя в одну душу ответ на жаркий вопрос другой! Как эти души быстро отыскивают друг друга, несмотря ни на какие разделяющие их бездны.

Есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя делать. Идею возможности, хотя и отдалённую, нужно носить в голове, потому что с ней, как с светильником, всё-таки отыщешь что-нибудь делать, а без неё вовсе останешься впотьмах.

Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол.

Ничего не должно пренебрегать – на всё нужно обращать внимание. Если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом – к третьему, и так далее. Самая малость иногда служит большою помощью.

Прежде всего следует пробудить в человеке честолюбье; оно – сила, толкающая вперёд человека, без которой не подвигнешь его на деятельность.

* * *

ТАЙНЫ ДУШИ

Человек такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдруг всех его достоинств, и чем более в него всматриваешься, тем более является новых особенностей, и описание их было бы бесконечно.

Высший ум умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в каком случае и пребывать в гордом покое невозмущённой души.

Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретает не иначе, как победой над страстями.

Нужно в запасе держать благоразумие, ежеминутно совещаться с благоразумием, вести с ним дружескую беседу.

Когда речь идёт часто о посторонних предметах, когда человек невольно и не думая проговаривается или невинно и чистосердечно выказывает те стороны души, которых, может быть, он и сам ещё не вполне оценил и узнал, в такие только минуты отчасти и узнаётся душа, а не вследствие каких-либо умственных выводов и заключений.

Сам Бог вложил в душу мою прекрасное чутьё *слышать душу* – источник многих моих радостей и наслаждений.

Ум наш дрянь и не в силах даже оценить и постигнуть подобного нам человека, и этой ли дрянью, этим ли глупым умишком проразуметь что-либо, не подлежащее уму? Но горд человек: он воображает, что всё может понять и не может вынести даже и малейшего упрёка в своём незнании и несовершенстве.

Ум вовсе не какое-нибудь отдельное существо, он только проводник и часто бывает наш первый предатель. Как можем отделить его от всяких страстных увлечений, опутывающих нашу душу и сердце? Как держать его в независимости от души, когда он зависит весь от движений, исходящих от души, от них и он тускнеет, от них и он светлеет.

Довести до бесстрастного состояния свой ум может только тот, кто сам бесстрастен, не чувствует никогда ни гнева, ни неудовольствия, ни досады. Но тогда произойдёт другое явление: весь ум как бы исчезнет и останется одна душа. В нём, как в чистом, прозрачном и бесцветном стекле, выкажется душа со всеми малейшими своими оттенками, о чём бы ни касалась речь и о каком бы постороннем предмете ни были толки, так же, как в самой душе, станет отражаться сам Бог.

Не позабывайте, что разум наш в распоряжении у Бога: сегодня он видит невозможности, завтра Богу угодно раздвинуть пред ним горизонт шире, и он уже видит там возможность, где встречал прежде невозможности.

Каждый из нас заключает в себе при куче достоинств и кучу недостатков.

Человек большой плут. Этого из виду никогда не следует упускать.

Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растёт и десятирится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души. Но есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились оне с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями оне ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: всё равно, в мрачном ли образе, или пронесшись светлым явлением, возрадующим мир, – одинаково вызваны они для неведомого человеком блага.

Есть причина всякому поступку, даже и в глупом человеке.

Прежде, нежели вы решитесь верить человеку, рассмотрите наперёд его внимательнее, достоин

ли он того, чтобы верить ему.

Мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро всё превращается в человека; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рождённом на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое.

Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все оне, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его.

У всякого человека есть какая-нибудь страсть; из-за неё он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того.

Есть тайны души: как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твёрдо в своей совращённой жизни; но если попрекнёшь его им же – его же достоинствами, им опозоренными, – в нём всё поколеблется невольно, и весь он потрясётся.

Как бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая склонность наша всё-таки хочет сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только под этой личиной пробирается нам в душу, потому что благородна наша природа и не допустит её к себе в бесстыдной наготе.

Половина несправедливостей делается от неведения.

Разве все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека?

Как же не защищать человека, когда знаешь, что он половину зол делает от грубости и неведенья? Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу даже и не с дурным намереньем и всякую минуту бываем причиной несчастья другого.

Трудно быть судьёю в том или другом деле: я очень хорошо знаю, что человеку можно на всяком шагу ошибиться. Самые умнейшие и самые лучшие из людей ошибались и даже тогда, когда думали, что менее всего могут ошибиться.

Затруднительны положенья человека, очень, очень затруднительны. Бывает так, что, кажется, кругом виноват человек, а как войдёшь – даже и не он.

Лучше бранить человека за его дурные поступки с другими; но как только с этим вместе примешалось наше собственное против него неудовольствие, то мы должны в ту же минуту вспомнить, что чрез это самое уже лишаемся всякого права произнести суд о нём.

Тяжба есть дело неверное, стало быть, на него, как на что-нибудь верное, не следует даже и полагаться. Почему знать, может быть, бедные противники ваши не имеют ничего, и вы снимете с них последнюю рубашку, хотя ваше дело и право.

Поступая человеколюбиво во всём, человек никогда не бывает в убытке и вознаграждается на другом.

Однако же, и в паденье своём гибнущий грязный человек требует любви к себе.

В несчастье кто не суверен?

Несчастье умягчает человека; природа его тогда становится более чуткой и доступной к пониманию предметов, превосходящих понятие человека, находящегося в обыкновенном и вседневном положении.

Страждущему понятен страждущий.

Только испытав страдания, узнал я близкое сродство человеческих душ между собою. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны, и почти знаешь, что нужно сказать им. Этого мало, самый ум проясняется: дотоле скрытые положения и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому потребно.

Отсутствие такта причиной того, что мы огорчаем людей, не думая их огорчить, раздражаем, думая примирить. Отсюда происходят все неприятности, в которых обвиняют нас и в которых душой мы не виноваты. Друг, приобрести этого такта нельзя, как бы ты ни караулил сам за собой и как бы ты ни остерегался. Он получается ранним воспитанием, сливаясь уже с самого младенчества с нашей природой.

Рассмотрите внимательно свою жизнь и вспомните, что всё, что ниспосылается к нам Богом, всё сниспосылается с великою целью. Бедствия, испытания, доставшиеся на вашу долю, самая эта твёрдость души, приобретённая вами, всё это дано вам для того, чтобы вы употребили его в дело. Теперь предстоит вам это дело: приобретённое добро вы должны передать другому.

Нет лучше дела, как образовать прекрасного человека. Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое, может быть, даже государственное.

Знаете ли вы, как важны впечатления детских лет? То, что в детстве только хорошая привычка и склонность, превратится в зрелых годах в добродетель.

Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят всё прекрасное. Я испытал это на себе.

Исследование слишком точное нужно во всяком душевном деле. Что ни человек, то и разная природа, что ни душа, то и разная степень её развития, а потому и разные струны, её двигающие. Нет и двух человек, одарённых одними и теми же способностями, а потому и дороги к ним не одни и те же и почти ко всякому разные.

* * *

ЛЮБВИ НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ

Многое нам кажется невозможным, но потому, что наш ум не привык обращать на все стороны предмет и открывать возможностей всякого дела.

Мы так устроены, что всё должны приобретать насильно и ничего не даётся нам даром. Даже истинной весёлости духа не приобретёшь до тех пор, пока не заставишь себя насильно быть весёлым.

Весёлость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой весёлости. Минуты спокойствия душевного я приобретал, как противоядия беспокойствам; сильные беспокойства заставили меня стремиться к спокойствию и часто находить его.

С недавнего времени узнал я одну большую истину, именно, что знакомства и сближенья наши с людьми вовсе не даны нам для весёлого препровождения, но для того, чтобы мы позаимствовались от них чем-нибудь в наше собственное воспитанье, а мне нужно ещё слишком много воспитаться.

Всякое душевное движение, порождённое участием и любовью к брату, всегда должно быть ему высказано, и чем проще, тем лучше, ибо в душевной простоте сам Бог говорит нашими словами.

Только одна та помощь будет теперь действительна в России, которая будет сделана любовью. Всякая другая будет временна. Всему предстоит препятствия, везде предстанут неудачи. Одной только любви нет препятствий: ей всюду свободно и всюду открыт путь.

Полюби же, как брат, всех, которые страдают и телом и духом, и если ты ещё не в силах так полюбить их, то обрати их, по крайней мере, мысленно в нищих, просящих и молящих о помощи. Не гляди на то, что не простираются их руки просить о милостыне, может быть, простираются их души. Притом Бог ведаёт, кому прежде следует помогать, тому ли, кто имеет ещё силы выйти на улицу, или же тому, кто не имеет сил даже и руки протянуть, чтобы попросить.

И то уже благодеяние, когда считающему себя богачом докажешь и откроешь, что он нищий.

Мы все так странно и чудно устроены, что не имеем сами в себе никакой силы, но как только подвигнемся на помощь другим, сила вдруг в нас является сама собою. Так велико в нашей жизни значение слова: *другой* и любовь к другому.

Эгоистов бы не было вовсе, если бы они были поумнее и догадались сами, что стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма и что только с тех пор, когда человек перестаёт думать о себе, с тех только одних пор он начинает думать истинно о себе и становится таким образом самым рассчётливейшим из эгоистов.

Всякая должность может быть скучна, если за неё мы возьмёмся не так, как следует. Вопрос в том: для чего взята нами должность; если взята для себя, она будет скучна, если взята для других, вследствие загоревшегося в душе желания служить другому, а не себе, она не будет скучна.

Все наслажденья наши заключены в пожертвованиях. Счастье на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других, хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно, вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает пред нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляют нас, наконец, ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках.

Внуши бодрость и выведи из уныния тех, которые стоят передовыми и могут подать пример другим. Не беда, если дурак придёт в уныние (это даже для него и лучше), но плохо, если умные повесят носы.

Истинно же ободрить возможно только одним средством: именно, когда ободряя кого-либо, ты в то же время напоминаешь ему, что он должен ободрять других, что он должен забывать себя и не себя выводить из уныния, но других выводить из уныния. Сим одним только средством может человек сам выйти из него.

Всякого человека, на которого вы захотели бы подействовать благотельно, узнайте *в делах его*, возбудите в нём прежде охоту к тому делу, которое более всего по его способностям и силам, и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле, а не в других пустых и ежедневных делах, соображался с законом Божиим.

Человек необыкновенно изменяется с тех пор, когда начинаешь иметь на него твёрдое и постоянное влияние и не откажешься войти в его жизнь. Но помните раз навсегда, что человек правится и совершенствуется только на *деле* и что, если хотите, чтобы истины высокие и христианские, которые вы скажете, со временем были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде *дело*, которое бы заняло его всего. А не то это значит поехать *не по дороге*, а по рвам, по кочкам, перелогам.

Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужным и необходимым, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*.

* * *

РАБОТАЙТЕ СВОЁ ДЕЛО

Велик Бог, нас умудряющий. И чем же умудряющий? Тем самым горем, от которого мы бежим и хотим скрыться.

Если у нас не будет столько любви к доброму делу, чтобы уметь бороться из-за него с препятствиями, если мы не станем употреблять хотя столько постоянства и настойчивости в благих и добрых подвигах, сколько человек низкий употребляет в низких, в стремлении к своей своекорыстной и низкой цели, то где же тогда заслуга наша перед добром?

Чем же мы доказали тогда нашу любовь к добру, когда из-за него не выдержали даже столько битв, сколько выдерживает гадкий человек из своей привязанности к гадкому?

Работая своё дело, нужно твёрдо помнить, для кого его работаешь, имея беспрестанно в виду Того, Кто заказал нам работу. Работаете вы, например, для земли своей, для вознесенья искусства, необходимого для просвещения человека, но работаете потому только, что так приказал вам Тот, Кто дал вам все орудия для работы. Стало быть, заказыватель Бог, а не кто другой. А потому Его одного следует знать.

Ради Христа, принимайтесь скорее за труд, который бы занял хоть сколько-нибудь все способности, вам Богом данные. Мы все здесь подёнщики, обязанные работать и работать и глядеть вверх: там плата. Без этого удел наш – болезни, хандра, тоска и миллион искушений от лукавого, который так и ждёт минут нашего уныния.

Помните, что никак нельзя зевать и мешкать. Времени нам дано мало, и если на случай подвернётся к вам уныние, вспомните, что даже и унынию некогда нам предаваться, так у нас занято всё время и так много со всех сторон ждут нас всякого рода челобитчики.

Вы говорите: как можно работать, когда душа беспокойна? Да когда же может быть спокойна душа? Я несколько лет уже борюсь с беспокойством душевным. Да и откуда взялись у нас такие комфорты? Чтобы в продолжение труда нашего не смутила нас даже и мысль о том, что будет ещё через два года!

Пока не соберёшь всего себя и не подтолкнёшь себя самого, не знаешь даже, что именно в тебе есть, потому что мы никогда не принимаем того в соображение, что хотя мы и не работали руками, но мысли у нас в то время всё-таки созревали, наблюденье и ум совершенствовались, хотя и не на чем было их испробовать.

Поверьте, что по тех пор, пока не одолеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние при мысли, что работа не будет кончена, до тех пор она не будет кончена. Дни будут уходить за днями, и труд будет казаться безбрежным. Человек такая скотина, что он тогда только примется серьёзно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать.

Вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите или, лучше, не допустит вас к тому ваша гордость: пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было всё хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать раз на всякой чёрточке, никак не хотите, чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше.

Вы напрасно чуждаетесь специального труда. Какой-нибудь специальный труд должен быть непременно у каждого из нас. Сверх пребывания на боевой вершине современного движенья, нужно иметь свой собственный уголок, в который можно было бы на время уходить от всего. Нельзя, чтобы каждый из нас не получил на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было её и у вас. Иначе мы бы все походили друг на друга, как две капли воды, и весь мир был бы одна мануфактурная машина. Без этого специального труда не образуется характер индивидуала, из которых слагается общество, *идущее вперёд*. Без этих своеобразно работающих единиц *не быть* общему прогрессу.

* * *

ОСЛЕДОВАЙТЕСЬ УНЫНИЯ

Пока не станем мы глубже входить в значение истин евангельских, пока не станем больше прикрепляться любовью к Богу, нежели к земле, до тех пор будет всё ещё в голове нашей мешаться главное с мелким, важное с ничтожным; то и другое будет принимать в глазах наших равнозначительную важность, мы будем колебаться, которое избрать, и при всех наших прекрасных качествах душевных останемся нерешительными и слабыми. И вообще будем бояться не Бога, а человека, будем думать не о том, как бы не огорчить Бога, а о том только, как бы не огорчить человека.

Но по мере того, как будем входить в познание наших главных обязанностей и долга, всякая мелочная боязнь и нерешительность в нас истребится.

Прежде всего надобно держать в вечной памяти, что во всех делах и действиях в жизни большее нужно предпочитать меньшему. Иначе человек затеряется непременно и не выполнит ни большего, ни меньшего. Если же он выполнит большее, тогда меньшее выполнится уже само собою. Так мы должны действовать, и если бы даже, действуя таким образом, мы произвели в бездельных вещах против нас неудовольствие, то сим не должно смущаться и перетерпеть временное неудовольствие.

Если бы, например, случилось нам чего-нибудь не сделать для того человека, которого мы любим, но *не сделать* для того именно, чтобы потом *сделать* для него большее и лучшее, отказать ему в чём-нибудь, но отказать для того, чтобы потом ему доставить необходимейшее и нужное, в таком случае мы должны действовать твёрдо и нас должна одушевлять мысль, что мы действуем для его же блага. Эта цель стоит того, чтобы для неё претерпеть неудовольствие или огорчительный упрёк.

Нужно, чтобы любящие нас иногда встречали в нас одно решительное слово: *нет*, вместо всяких объяснений. Но это слово должно произноситься редко, именно тогда, когда дело касается главных вещей и главных истин. Так, чтобы чрез нас и другие имели больше уваженья к главным вещам и к главным истинам.

Везде и во всём большее предпочитать меньшему. Поступая таким образом, мы привлечём к себе уважение всех, даже и тех, которые вначале противились нашим поступкам.

Людям чувствительным, имеющим душу нежную и кроткую, кажется трудным и тяжёлым отказать в чём-нибудь кому бы то ни было. Им бы не хотелось даже и словом опечалить кого бы то ни было. Это происходит отчасти от того, что они в других подозревают такую же чувствительную и нежную природу, тогда как у большей части людей все впечатления проходят быстро и мгновенно. Рассердившись на что-нибудь вдруг, они чрез две минуты забывают даже и то, на что рассердились.

Из боязни ли к мгновенному позабывать о вечном? И для минутного ли жертвовать тем, что полезно не на одну минуту?

Во всех наших начинаниях и поступках больше всего мы должны остерегаться наисильнейшего врага нашего. Враг этот – уныние. Уныние есть истое искушение духа тьмы, которым нападает он на нас, зная, как трудно с ним бороться человеку.

Уныние противно Богу. Оно есть следствие недостатка любви нашей к Нему.

Уныние рождает отчаяние, которое есть душевное убийство, страшнейшее всех злодеяний, совершаемых человеком, ибо отрезывает все пути к спасению, и потому पुше всех грехов оно ненавидимо Богом. От того и в молитвах просится ежедневно, дабы дал нам Бог сердце трезвящееся, бодр ум, мысль светлу и отогнал бы от нас дух уныния.

Иногда душевные беспокойства и смущения, схожие с унынием, бывают Божиими поущениями, насылаемыми на нас для того, чтобы испробовать и испытать, укрепились ли мы в характере; иногда же просто для того, чтобы, ища средств спастись от такого беспокойства и уныния, придумали сделать что-нибудь такое, чего бы никак не придумали прежде. Ибо Бог всячески старается нас вразумить и требует, чтобы мы употребили какое-нибудь усилие для узнания Его воли.

Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего

приятеля, всем известного, именно – чорта. Но вы не упускайте из виду, что он шелкопёр и весь состоит из надуванья.

Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние всё тьмит перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самоё себя, т.е. одно греховное уныние.

Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живёте в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидали бы, что на всяком месте, где б ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, споспешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страху при виде неисполнения и пренебрежения всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь.

Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены или огорчены.

Глядите твёрдо вперёд и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновение нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что оне в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занеслись Бог знает как, и гордость наша заставила бы нас наделать множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смирения, которое составляет первую красоту души.

* * *

Я ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ НЕ ГРУСТИТЬ

Не беспокойтесь ни о чём, и Боже вас сохрани предаться какому-нибудь унынию. В жизни нашей много бед, но все они даются нам как временное испытание, и верьте, что мы никогда не можем знать вначале, какое благодетельное следствие принесёт нам то, что нам казалось жестоким несчастьем.

Человек легко приходит в уныние и не хочет догадаться, что у него самого могут быть найдены средства противу всего.

Да разве найдутся на свете такие огни и муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Я приказываю вам не грустить. Во имя Бога повелеваю вам это. Позабудьте о себе, как бы вас и не было вовсе на свете; помышляйте и думайте только о других. Когда перед нами страждут и вопиют о помощи, грех помышлять о своих недугах и не лететь на помощь. Все, что ни вокруг вас, суть больные, и, если всмотритесь пристально, всяк требует вашей помощи.

Не забывайте также благодарить Бога сильно за тоску и грусть, которые вам были даны. Вы ещё не знаете им цены, но благодарите вперёд *на веру*, зная только то, что всё, что ни даётся нам, даётся во благо. После вы узнаете смысл всего и подивитесь необъятной бездне Божией премудрости.

Хандры не бойтесь. Помните, что в минуты уныния Бог к нам ближе, чем когда-либо, если только вы не забудете позвать Его. Поверьте, что если бы вы сами не испытали уныния, то не могли бы и другому помочь в унынии. Стало быть, такие минуты если и даются или, справедливой, попускаются, то слишком недаром.

Путей есть множество выйти из всякого положения, как бы затруднительно оно нам ни казалось. Если бы ваше положение было в двадцать раз хуже, то и тогда не следует смущаться.

Исполните только одну мою просьбу, которую я вам сейчас предложу: будьте ясны и тверды душою. Твёрдый и не потерявшийся человек всегда выигрывает: его взгляд не отуманен, и он сам увидит исходы из всякого лабиринта.

Нужно иметь также веру в небесную силу, которая всегда сходит от Бога твёрдому и уповающему человеку. Исполняя этой силы, вы плюнете на то, что человек называет препятствием.

Будьте веселы и светлы духом и сохраните вечно в себе великую истину, которую я вам сейчас скажу: препятствия суть наши крылья. Они нам даются для того, чтобы сделать нас сильней и ближе к цели. Это вам говорит человек, изведавший сие по опыту.

Уныние есть величайших из грехов, а потому, как только одна тень его набезит на нас, мы должны тот же час прибегнуть к Богу и молиться от всех сил наших.

Уныние одолевает иных тогда, когда почувствуешь свою слабость и бессилие, уныние от того, что бессилён и мал духом, одолевало всякого и знакомо всем. Самые сильные характеры чувствовали так же своё бессилие, как и самые бессильные. Разница в том, что сильнейшим посылаются испытания сильнейшие, несчастья тягчайшие; слабейшим слабейшие. И потому в такие минуты никак не следует отчаиваться, но молиться крепче и крепче до тех пор, пока не умягчится душа и не разрешится слезами. Немедленно после молитвы, когда воздвигнется хотя на время дух, перечитать все правила и наставления в жизни, какие есть у нас выписаны и какие должны быть у всякого. Потом взглянуть на свои настоящие обстоятельства, на своё положение и на свои огорченья текущие. И когда обдумаем, взвесим и сравним всё, тогда вдруг как молния осияет и озарит нас самим Богом ниспосланная мысль, и мы находим тогда средства помочь тому, чему и не думали быть в силах помочь.

У человека нет своей силы; это он должен знать и помнить всегда, – и кто надеется на свою силу, тот слабее всех в мире. Мы должны быть крепки Божьей силой, а не своею.

Твердейшими характерами сделались только те, которые сильно падали духом и бывали в некоторые минуты жизни бессильнейшими всех. Это-то самое и заставило их всеми силами вооружиться против собственного бессилия. Они старались, молились, беспрестанно испрашивая

помощи, и таким образом окрепли и сделались твердейшими. Те же, которые нам иногда кажутся сильными потому только, что имеют грубую и жёсткую натуру, не знают жалости, способны оскорблять, деспотствовать и выказывать характер свой капризами, – те кажут только одну мишуру силы, а в самом деле её не имеют. На первом несчастье, как на пробном камне, они узнаются. При первом приступе несчастья они оказываются малодушными, низкими, бессильными, как ребёнки; тогда как слабейшие возрастают, как исполины, при всяком несчастье. «Сила Моя в немощи совершается», – сказал Бог устами апостола Павла.

Уныние при первой неудаче случается со многими. Мы ему до тех пор подвластны, покуда не уверимся совершенно и опытом, и разумом, и примерами, что первая неудача ровно ничего не значит. Неудачи посылаются нам для того, чтобы заставить нас лучше и внимательнее рассмотреть то же самое дело, чтобы пробуждать наш ум и раздвигать ему поприще. Все наши неудачи происходят от нас самих: мы или поспешили, или пропустили что-нибудь, или не рассмотрели всех качеств тех людей, с которыми нам случилось иметь дело. А потому, помолясь, следует вновь начать то же дело, исправивши все свои прежние ошибки. Если же вновь случится неудача, вновь помолиться Богу, вновь рассмотреть все обстоятельства, вновь исправить все новые наши оплошности – и, благословясь, бодро и весело приняться вновь за дело.

Люди великие потому сделались великими, что не смущались никак от первой неудачи, и не только от первой, но даже от нескольких, – и тогда, когда другие, видя их терпение, смеялись над ними, как над безумными, они с новым рвением принимались за своё неудавшееся дело и наконец успевали в нём совершенно.

Неудачи не в *препятствие* нам даются, а на *вразумление*. И умнейший человек, не наделав прежде глупостей, не делается умным человеком.

Иногда небольшое уныние посещает нас в разных мелких неприятностях, иногда оно приходит неизвестно от каких причин, просто от усталости душевной. Тогда нам полезны бывают просто развлеченья, беседа с близким другом, с таким существом, которое нас любит любовью высшею, а не пристрастною. Который и нас самих мог бы упрекнуть, но вместе с тем утешить нас тихим, успокаивающим душу разговором. Который, любя нас, был бы вместе с тем также беспристрастен и к тем, которые нас не любят.

Ещё полезней бывает в такие минуты, позабыв совершенно о себе и о своих собственных бедах и неприятностях, отыскивать страждущих с тем, чтобы помочь им не одной денежной помощью, а душевным вспомоществованием, проливая утешения на душевные боли. Кто сам терпел, тот счастливее: он знает, как помочь другому. Такое средство производит удивительное влияние на собственную нашу душу. После него спокойствие вдруг само собою воцаряется в нас.

Уныние, которое находит на многих людей при размышлении о настоящем, прошедшем и будущем своём положении, показывает только то, что они ещё мало размышляли, ещё не умеют входить в смысл и значение происшествий.

Но как только начинаем мы прозревать смысл всякого события, тогда исполняем избытком одной благодарности к Богу, видя, как всё, что ни случается, случается во благо наше.

Никак нельзя сказать, что такое-то время нашей жизни было лучше потому только, что мы были тогда покойны и меньше тревожились всякими смущеньями. Душевный сон никак нельзя назвать прекрасным состоянием. Правда, мы не чувствовали тогда тревог; но зато мы не чувствовали величайших наслаждений душевных. Нам не было поприща показать красоту, величие души, терпение, твёрдость, жар истинной молитвы, веру истинную в Бога, любовь истинную, т.е. не поверхностную, а глубокую, умеющую предпочесть *главное* ничтожному, *внутреннее* внешнему. Словом, нам не представилось бы подвигов, за которые награды небесные готовятся человеку.

Прежде всего вы должны поблагодарить Бога за ту тоску, которая на вас находит. Это предвестник скорого прихода веселья в душу вашу. Тоска эта – следствие пустоты, следствие бесплодности вашего прежнего веселья. Веселье лучшее, веселье полное, вовсе незнакомое вам доселе, ждёт вас.

Бог неизреченно милостив к человеку и употребляет все средства, чтобы доставить ему больше и больше блаженства. Всё совершенно зависит от нас. Всякое наше положение, самое затруднительное,

мы можем обратить в самое счастливое, стоит только начать и молиться, а Бог уже поможет и кончит.

Более всего грешит пред Богом тот, кто предаётся унынию: он, значит, не верит ни милосердию Божию, ни любви Его, ни самому Богу.

Чем печальней обстоятельства, тем понастоящему мы должны ещё более радоваться за будущее, значит, только поприще пред нами раздвигается, больше горизонта для дел и подвигов открывается. Если ж смутит нас на время мысль, что мы бессильны бороться на таком поприще, то мы должны вдруг вспомнить что бессильным-то и помогает Бог.

Всё с целью. Всюду ожидает нас благополучие. Поставлены ли мы среди людей дурных, с которыми нам трудно жить? Мы, верно, поставлены для того, чтобы со временем посредством нас они из дурных сделались лучшими. Величайший подвиг, который больше всего приятен Богу! Ибо не столько Ему угодна самая жизнь праведного, сколько угодна прекрасная жизнь обратившего грешника. Стало быть, участвуя сколько-нибудь в том, чтобы сделать других лучшими, мы делаем для Бога приятнейшее, что только можно для Него сделать.

* * *

БУДУЩЕЕ В НАШИХ РУКАХ

Не думая о своих собственных смущениях, мы должны думать только о том, как бы сделать побольше добра тем, которые нам причиняют смущение.

Делая добро, мы должны помнить, что оно должно быть душевное добро, т.е. не то, которое доставляет минутное удовольствие, и потому нечего нам глядеть на то, бранят ли нас, плотят ли нам неблагодарностью, или приемлют самое дело не в том виде, как оно есть. Потом они узнают и уразумеют. Всё потом переменится и принесёт двойную и тройную выгоду.

Помолясь, мы должны действовать смело: будущее в наших руках, если мы постараемся сами быть в Божиих руках.

Именем Бога говорю вам: всё обратится в добро. Не вследствие какой-либо системы говорю вам, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добыл я, добыл из скорбных и трудных моих минут. И ни за какие сокровища не захотел бы я, чтобы не было в моей жизни скорбных и трудных состояний, от которых ныла вся душа, недоумевал ум помочь.

Крепки и сильны будьте душой! ибо крепость и сила почиет в душе пишущего сии строки, а между любящими душами всё передаётся и сообщается от одной к другому, и потому сила отделится от меня несомненно в вашу душу.

Ради всего святого в мире, не упадите духом. Всякий перелом, посылаемый человеку, чудно-благодетелен. Это лучшее, что только есть в жизни. Звезда и светильник, указующий ему, наконец, его настоящий путь. Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом.

Верующие во светлое увидят светлое, тёмное существует только для неверующих.

Малодушие и уныние есть порок, которому вы все легко предаётесь. Что, в самом деле, вы вообразили себе? Разве жизнь наша рай и должна быть как ровная гладкая дорога, без всяких приключений, для одних только удовольствий да для наслаждений? Так зачем же тогда будущая жизнь нам? Где же вы живёте, позвольте вас спросить? Или вы позабыли, что вы живёте на земле? Что всякую минуту не только может, но даже должно случиться то, что вы называете несчастьем. Мудрый, по крайней мере, помнит это и ставит себе впереди, при всяком начинании всякого дела, и потому не предаётся ни излишней радости при виде того, что человек часто легкомысленно называем счастьем, ни горести при виде того, что человек так же легкомысленно называет несчастьем, но умными глазами осмотрит всякое приключение со всех сторон, прежде всего вопросив себя, не обманула ли его наружность и первое впечатление.

Довольство во всём нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и весёлостях, задремлем, забудем, что есть на земле страдания, несчастья. Заплывёт телом душа – и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней.

Несчастья суть великие знаки Божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке, который без них был бы невозможен; ибо природа наша жестка и ей трудно без великого душевного умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому после всякого несчастья мы должны строже, чем когда-либо прежде, взглянуть на самих себя.

Божья воля насылает нам испытание за тем, чтобы новыми сокровищами украсить нашу душу и заставить потом благодарить вечно за время испытания.

Может ли кто из нас похвалиться несчастьями и испытаниями! Такие ли бывают несчастья! Сколько есть на земле людей, которые, может быть, несчастья наши почли бы только за слабые огорчения в сравнении с другими, жесточайшими!

Если мы имели удовольствия и потом потеряли их, мы должны быть за них благодарны и вспоминать о них с сладким умилением, а не сокрушаться о потере их. Мы должны помнить, что нет ничего вечного на свете, что горе перемешано с радостью и что если бы мы не испытывали горя, мы бы

не умели оценить радости и она бы не была нам радостью.

Безграничная привязанность до упоения к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можем лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остаётся нам, жить обманом и стараться вечно обманываться – страшно, просто страшно.

Мы ропчем только на утраты и никогда не благодарим за блага, которые даются нам щедро, обильно, но мы замечаем их только в минуту, когда лишаемся их, а до того времени глядим на них, как на что-то должное нам, на что-то непременно принадлежащее нам.

Не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред Богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред Богом, кто может из людей опорочить нас, заклеить пятном наше имя? А скорби? Но если уже сам Спаситель сказал, что только ими очищается душа, как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды?

Несчастье нападает только на того, кто боится его, а кто идёт твёрдо навстречу его, от того оно бежит.

Несчастья не посылаются нам даром; они посылаются нам на то, чтоб мы оглянулись на самих себя и пристально в себя всмотрелись.

Есть среди нас неутомимый враг наш, который силится всячески иметь на нас влияние и овладеть нашею душою. Часто можно видеть, что человек влечётся каким-то непостижимым потоком; как ни разу не употребляет власти над собою, не думает о том, чтобы преодолеть себя вначале, когда ещё бывает легко, и доходит до того, что уже делается трудно и почти невозможно. Смотрите за собой бдительней: искушитель и враг наш не дремлет, вы можете впустить его себе в душу, не думая и не замечая.

В лени и бездействии не только не развиваются наши способности, но даже притупляются, а от притупления способностей тупеет ум; а тупея, чем далее, тем более ум доходит до помрачения, в помрачении же ума человек способен сделать самое скверное дело, о котором даже и помыслить без ужаса не мог вначале. Счастлив ещё бывает тот, которому Бог пошлёт какое-нибудь страшное несчастье, и несчастьем заставит пробудиться и оглянуться на себя. Но лучше не дожидайтесь несчастья и осматривайтесь на себя, прежде чем посетит вас несчастье.

Часто душа моя так бывает тверда, что, кажется, никакие огорчения не в силах сокрушить меня. Да есть ли огорчения в свете? Мы их назвали огорчениями, тогда как они суть великие блага и глубокие счастья, ниспосылаемые человеку. Они хранители наши и спасители души нашей. Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всём, что ни касается меня, и недостаёт у меня ни слов, ни слёз, ни молитв для изливания душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя!

* * *

ВОЗЬМИТЕ НАКОНЕЦ ВЛАСТЬ НАД СОБОЮ

Человечество бежит опрометью, никто не стоит на месте; пусть его бежит, так нужно. Но горе тем, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общим движением, хотя бы даже с тем, чем образумить тех, которые мчатся. Хоровод этот кружится, кружится, а наконец может вдруг обратиться на место, где огни истины. Что ж, если он не найдёт на своих местах блюстителей, и если увидят, что святые огни пылают не полным светом?

Не опровержением минутного, а утверждением вечного должны заниматься многие, которым Бог дал не общие всем дары.

Человеку рождённому с силами большими, следует, прежде чем сразиться с миром, глубоко воспитать себя. Если ж он будет живо принимать к себе всё, что современно, он выйдет из состояния душевного спокойствия, без которого невозможно наше воспитание.

Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее.

Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет.

Узнай только душу человека, войди только хорошенько в его обстоятельства жизни, рассмотри только его, не торопясь, – и ты увидишь, что можно помочь душе его, и облобызает он потом руку, его спасшую.

Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя.

Воспитать другого и подать ему душевную истинную помощь мы можем тогда, когда достигли сами до высочайшего незлобия, когда никакие оскорбления не могут оскорбить нас. Тогда и разум наш получает свет и может наблюдать поступки других, видеть их прегрешения и научать нас, как избавляться от них. Тогда и Бог помогает нам на всяком шагу, внушая действительные средства противу всего. На сем основана и жизнь: учиться самому и научать других, и самому вознестись и другого вознести к Богу.

Нет из нас никого такого, что бы мог сказать: я не могу или я не в силах помочь. Сами по себе мы ничего не можем, но помогает Бог, подающий силу бессильным.

Не мы управляем своими действиями; незримо правит ими Бог; мы только орудия Его воли, и нами же Он говорит нам, а потому не нужно пропускать ничьих слов без того, чтобы не рассмотреть, что из них нужно взять в примененье к самому себе.

Человек так способен загордиться, если ему ничто не напоминает о его ничтожестве и мерзости, что задумает наконец точно о себе, как о добродетельном и совершенном.

Мы все бываем прекрасны и все бываем безобразны. Прекрасны бываем тогда, когда почувствуем истинно, что мы безобразны, и безобразны тогда, когда подумаем, что мы прекрасны. Безобразные от нас самих, но красота наша от Бога, и по мере только того, как мы пребываем в Нём, мы бываем прекрасны.

Пора наконец взять власть вам над собою. Не то мы будем вечно зависеть от всякой дряни.

Вносите с собою всюду примирение, храни вас Бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было, хотя бы вам даже и нанесена была явная обида; напротив если заметите где-нибудь несогласие, старайтесь всячески примирить обе стороны.

Уметь веселиться, когда вокруг всё скучно, вот настоящая мудрость человека.

Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого он был бы

исполином. Враг этот – лень, или, лучше сказать болезненное усыпление, одолевающее русского. Много мыслей, не сопровождаемых воплощением, уже у нас погибло бесплодно.

Тот, кто не привыкнет побеждать мелочей, не победит, наконец, и большего. Многие из вас дошли до такой невинности, что вообразили себе, что только то нужно делать, что легко делается, а что трудно, то нужно оставлять вовсе. Умное рассуждение! Скажу вам о себе, что до сих пор мне не удалось ни одного полезного дела сделать, не принудив прежде к тому себя насильно.

Помните вечно, что всякая втуне потраченная минута *здесь* неумолимо спросится там, и лучше не родиться, чем побледнеть перед этим страшным упрёком.

Тружусь, работаю с молитвою и стараюсь не быть свободным ни минуты. Испытав на опыте, что в праздные минуты к нам ближе искуситель, а Бог далее, я теперь занят так, что не бывает даже времени написать письмо к близкому человеку.

Работать нужно много особенно тому, кто пропустил лучшее время своей юности и мало сделал запасов на старость.

Везде, у кого бы вам ни случилось проживать, старайтесь прожить это время более в трудах и занятиях, чем в увеселениях.

Вопроси построже свою душу, не ближе ли к ней свои собственные дела и страдания, чем дела и страдания других, не боишься ли во всяком, даже великодушном деле компрометировать прежде себя, и не отказался ли ты из-за этой причины уже от многих добрых дел, полезных другим?

Увидевши свои недостатки и погрешности, человек уже вдруг становится выше самого себя. Нет зла, которого бы нельзя было исправить, но нужно увидеть, в чём именно состоит зло.

Старайтесь отыскивать в себе как можно более недостатков, недостатки эти вы должны прежде хорошенько выбрать, а потом постараться от них отвязаться.

Мне необходимей делать себе самому упрёки и давать себе самому советы. Поверьте, что это гораздо лучше, если человек начнёт сам себе самому давать упрёки, а не ожидать их от других.

Друзьям моим случалось переменять обо мне мнения, но мне ещё ни разу не случилось переменить мнение ни об одном близком мне человеке. Меня не смутят не только какие-нибудь слухи и толки, но даже, если бы сам человек, уже известный мне по душе своей, стал бы клеветать на себя, я бы и этому не поверил, ибо я *умею верить душе человека*.

* * *

СТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ТЫ ЕСТЬ

Стремлюсь я к тому, к чему и вы стремитесь и к чему всякий из нас должен стремиться, именно – *быть лучше, чем есть*.

С тем, который хочет быть лучше, не следует употреблять никакой осторожности.

Мы для того и окружены обществом, чтобы стараться у всякого что-нибудь украсть для нашего собственного характера. Если в ком-либо заметите какое-нибудь особенно хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе.

Рассмотрите себя хорошенько: в теперешнем вашем состоянии вы не в силах сделать доброго дела, даже и тогда, если бы вам даны были все средства к тому, и виной всему ваше невежество: вы не знаете, в чём и как помочь человеку, вы если захотите сделать вдруг кому-нибудь помочь, вы сделаете не тому, кому следует. Вам теперь миллион денег дай в руки, вы с ними не только не сделаете никому пользу, а даже можете сделать вред, потому что не знаете, кому именно и как и сколько дать, и в сопровождении какого именно наставления дать ему, ибо для этого нужно в настоящем виде знать его обстоятельства.

И себя даже самих вы не можете теперь сделать лучше, потому что и этого нельзя сделать, не подумавши прежде о том, чтобы сделать других лучшими, так тесно наша собственная жизнь и наше собственное образование соединены с нашими ближними.

В уединённую свободную минуту старайтесь иногда припоминать себя в прежнем виде, т.е. как вы были назад тому два, три года, сравнивайте *тогдашнего* себя с нынешним и старайтесь узнать, чем именно вы сделались умней прежнего.

Конечно, в том человек не виноват, что не понял; но виноват сильно и даст великий ответ Богу за то, что не стремился, не напрягал всех сил, не хотел понять, а, махнувши рукою, сказал: «Это мне непонятно», да и концы в воду. Припомните, что вам уже теперь понятно много из того, что прежде казалось совсем непонятно или незначительно; стало быть, можно достигнуть того, чтобы понять.

Можно достигнуть до всего, если только стремиться к тому. Смотрите: не зевайте! Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы также.

Знаки небесной милости Божией даются нам вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить нас на пути нашего стремления к Нему. Это делается Им из одной только небесной любви к нам, исполненной таким великим снисхождением. Потому храни вас Бог слишком упояться такими минутами. В такие минуты вы должны сильнее чувствовать своё недостойство и приниматься живею за труды и подвиги, чтобы быть посредством их хотя сколько-нибудь достойными такой благодати.

Если ж вы почувствуете в себе поползновение этим вознестись и возгордиться, то вспомните только то, что вы завтра же можете впасть в уныние, в хандру и увидеть во всём ничтожестве своё бессилие и малодушие. Поэтому-то все минуты уныния и как бы Божьего оставления нас даются нам с неизреченно мудрым умыслом, именно для того, чтобы мы и на минуту не отделились от Бога и чтобы узнали, как страшно быть без Него.

Очень может быть и даже это неминуемо должно быть, что вы будете ощущать ещё высшие состояния благодати. Но и тогда храни вас Бог думать, что они вам посылаются за ваши достоинства. Старайтесь в такие минуты усилить деятельность своих подвигов и, как добрый подёнщик, не оставьте и на миг своей работы до самого захода солнца и не приклоняйте уха на то, если бы кто стал хвалить вашу работу или говорить, что вы уже сделали более, чем другие. Это один Бог может решить, кто более сделал. Тот, кто в глазах людей много сделал, может быть, ещё не сделал и десятой доли того, что назначено Богом ему сделать, и он может подвергнуться строжайшему суду, чем тот, кто сделал меньше его, получив меньше и способностей. Вспомните одно то, что мы не только не употребляем в дело всех данных нам способностей, но даже и не доискиваемся, какие у нас есть способности и какие именно нам даны.

Не упойтесь также удачею и успехом, но лучше при всякой неудаче представляйте себе живею

своё слабосилие, как далеки вы ещё в науке помогать и делать добро, как ещё мало вразумлены светом Божьего разума, как ещё вам доселе кажется невозможным то, что уже возможно преуспевающему в подвигах любви и благодушия.

Многое довольство нам вредно. Сейчас же заплывёт телом душа – и Бог будет позабыт.

Не просите даже у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их, просите только дать возможность произвести больше подвигов и с тем вместе просите только о том, чтобы Он не награждал нас за них в этой жизни, или лучше пусть только показывает нам здесь одно слабое мерцание наград Своих, а не самые награды, потому что и малейшей части их не вынесет наше бренное тело.

Только тем путём должен каждый из нас стремиться к Нему, для которого Им же Самим даны нам орудия, способности и средства: прочие все пути будут околёсные и кривые, а не прямые и кратчайшие.

Авторитет твой может быть велик, потому что за тебя станет Бог, если ты прибегнешь к Нему.

* * *

НАД СОБОЙ БОДРСТВУЙ ЕЖЕМИНУТНО

Многое почитается за выдумки, когда принимается в буквальном смысле.

То, что есть самая жизнь, для многих безгласно и мертво. Ещё на многое смотрят они остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветлённого разумом свыше.

Святые молчальники уже всё нашли для себя лишним в мире, они следят только одни внутренние явления души и многое могут сказать на глубокую науку будущему человечеству.

Никого не ценят так, как следует. Это участь всех людей. Для того, чтобы ценить человека, нужно видеть его со всех сторон, а видеть со всех сторон человека может один только Бог.

Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью, это не наше дело, за это взъщёт Бог, наше дело любить. Только мне кажется, любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас.

Над собой нужно бодрствовать ежеминутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая чёрствость, такое озлобленье, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость чёрствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нём для любви. И натура наша делается только раздражительная, но не любящая.

Я память и уверен сильно в том, что и добро и зло следует помнить вечно. Добро нужно помнить для того, что уже одно воспоминание о нём делает нас лучшими. Зло нужно помнить для того, что с самого того дня, как оно нам причинено, на нас наложен неотразимый долг заплатить за него добром.

Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные, суть Божьи слова к нам. Их нужно вопрошать до тех пор, пока не допросишься: что они значат, чего ими требуется от нас? Без этого никогда не сделаемся мы лучшими и совершеннее.

Нам случается видеть насмешливые физиономии. Думаешь, что этот человек обсмеёт всё, а как узнаешь его, увидишь просто, что он сам даже боится насмешки.

В последнее время я не боюсь насмешек и благодарю за них Бога ежеминутно. Я говорю себе: да что же я за дрянь такая? что за сокровище, чтобы меня даже никто и оскорбить не осмелился, и что за душонка у меня такая, что я не в силах даже перенести и подобного оскорбления? – и, клянусь, у меня после этого всегда рождается жажда, чтобы мне сию же минуту нанесли тысячу подобных оскорблений в наказание за низость души моей. Заметь это. Эти правила, которыми я руководствуюсь, очень могут пригодиться тебе.

Мнения ваши обо мне должны быть всегда вот каковы: «Я никак не утверждаю, чтобы он был хорош, но в нём есть одно такое свойство, которого я не находил у других людей: это желание искреннее и сильное быть лучшим, чем он теперь есть, он один из всех тех людей, которых я знаю, примет всякое замечание, совет, упрёк, от кого бы то ни было и как щекотливы бы они ни были, и умеет быть за это благодарным».

Ваши беспокойства и мысли о том, что я могу в чём-либо нуждаться напрасны. Вы их гоните от себя подальше. Всё зависит от экономии. Я, просто, стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землёй.

Всё, что не от Бога, то не есть истинно. Что же найдём сомнительным и не знаем как решить, то до времени следует отложить и никак не смущаться им: это признак, что мы ещё не готовы, и что глаза наши получают ясное познание вещей после, по мере нашего усовершенствования.

Не попадает талант на свою дорогу, потому что не устремляет глаз высших на самого себя. Но

промысел лучше печётся о человеке. Бедою, злом и болезнию насильно приводит он его к тому, к чему он не пришёл бы сам.

Раны иногда существуют ещё, хотя нам кажется, что они давно зажили.

Страданиями и горем определено нам добывать крупы мудрости, не приобретаемой в книгах.

* * *

ВСЁ НА СВЕТЕ ОБМАН

С умным человеком всё можно делать и не трудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним.

Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь.

Побеждать гнев гораздо труднее тому, кто ещё не подозревает в себе этого греха. А кто уже узнал, что в нём есть гнев, тому легче. Он уже знает, противу чего ему следует действовать, кто его истинный враг; он уже чувствует, что во всех неприятных и раздражающих случаях и обстоятельствах следует ему идти прежде всего не против случаев и обстоятельств, а *против собственного гнева*. Если только он будет это беспрерывно помнить, и, так сказать, видеть перед собою, и приготовляться на битву с гневом своим, а не с чем-либо другим, тогда он его непременно преодолет, а обстоятельства и случаи, производящие гнев, исчезнут потом сами собою.

И бесстрашный лев наконец должен взречься, когда нападут на него бессильные комары со всех сторон и кучею. Лев ревёт оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступленьем холодов всё это сгинет, что кусанья эти, может быть и нужны, как отнимающие лишнюю кровь, то, может, и у него достало бы великодушия всё это перенести терпеливо.

Я совершенно убедился в том, что сплетня плетётся чортом, а не человеком. Человек от праздности и часто сгупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдёт гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое, и мало-помалу сплетётся сама собою история без ведома всех. Настоящего автора её безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь.

Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле.

Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чём да поможет нам Бог!

Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать не сенатор, а Тот, Кого ничего не подкупишь и у Которого совершенно другой взгляд на всё.

Ко всякого рода *намёкам* должно быть совершенно глуху. Тем более что намёки не составляют главного в речи; это эпизоды вводные, вставочные фразы, слова в скобках, а потому их нужно так и оставить вставочными фразами и словами в скобках, а отвечать только на то, что главное в речи.

Вообще не следует ни в каком случае из какого-нибудь незначительного зёрнышка, невзначай или с умыслом обронённого слова, заводить длинный разговор. Иначе это будет то же, что раздувать искру, которая сама по себе погасла бы и которую, раздувши, можем превратить в такой пожар, что и погасить уже трудно.

Умение не оскорбляться словами редко кому известно и очень его не мешает иметь побольше.

С теми, которые порочат друзей наших, не следует вовсе спорить. Это ни к чему не поведёт, их не переспоришь; тем более что спор они вовсе не для того затевают, чтобы узнать истину, а для того, чтобы выбранить.

Никогда не следует защищать жарко друзей наших, и особенно нужно опасаться, чтобы не распространиться слишком об их качествах похвальных и прекрасных. Этим будем ещё более сердить их недоброжелателей и только восстанавливать против них.

Лучше вместо всяких защит хладнокровно ответить такими словами: «Я знаю, в друзьях моих есть точно многие недостатки, но кто из нас без недостатков? Всё дело только в том, что человек в других видит их яснее, чем в себе. Друзья мои точно имеют такие недостатки, каких другие не имеют, но зато другие имеют с своей стороны такие недостатки, которых не имеют друзья мои. У всякого есть свои недостатки, но решить, кто из нас имеет их более, кто менее, или чьи недостатки важнее других, трудно нам, потому что нужно быть слишком беспристрастну». Сказавши такие слова, нужно стараться

обратить разговор на другие предметы и всегда отделяться подобным образом.

Оскорблённое самолюбие таится у всякого человека и заставляет его защищать себя от часто несправедливо возводимых худых качеств.

Многие не могут выносить несправедливых упрёков. *Несправедливый* упрёк им кажется чем-то ужасным; но гораздо хуже и ужаснее заслужить *справедливый* упрёк: мы тогда вдвойне упрекаемся и людьми и собственной совестью. Несправедливый же упрёк должен производить понастоящему противоположное действие: здесь даже чувствуется тайное удовольствие, видя, что в самом деле чисто на душе и посредством людских обвинений только больше и больше выигрываешь пред Богом.

Несправедливые упрёки могут только послужить к увеличению наших достоинств и доставить нам больше средств к приобретению всеобщей любви, не говоря уже о наградах небесных.

Кто невинен и ни в чём не обвиняется, тот даже ни в ком и участия к себе не возбуждает, потому что всякий из нас в чём-нибудь невинен. Но кто, будучи невинен, обвиняется, к тому все чувствуют участие. Но если он не только, будучи невинен, обвиняется, но ещё переносит с терпением обвиненье, и не только переносит с терпением, но ещё плотит великодушием за несправедливые упрёки, тогда он производит изумление к себе во всех совершенно, даже в людях дурных и неспособных изумляться ничему прекрасному.

Настанет наконец такое время, когда упрёки, жёсткие слова и даже несправедливые поступки от других становятся жизнью и потребностью душевной, и от них удивительно уясняется глаз, растёт ум, силы, и, словом, растёт всё в человеке.

Многие затрудняются тем, что не знают, как отвечать на упрёки, потому что обыкновенно упрекающие несправедливо любят, чтобы им отвечали, если же они к тому ещё злобны, то любят даже, чтобы их раздражали противуречиями или гневными словами, чтобы этим подавать себе вновь повод и случай к озлобленью и упрёкам. В таком случае нужно поступать так, чтобы не выставлять в словах и ответах своих ни свою невинность, ни их злобу. Вообще слов как можно поменьше, а умеренности и хладнокровия в них как можно побольше.

Некоторые чувствуют гнев против несправедливых суждений. Но сердиться на то, что другой произносит ошибочные, пристрастные или непохожие на наши суждения, так же странно, как если бы мы стали сердиться на иностранца за то, что он говорит другим языком, не похожим на наш, а нашего языка не понимает.

Извольте-ка принять и несправедливые упрёки за справедливые, и всякий день в них всматриваться, как в зеркало, авось среди несправедливого отыщется что-нибудь и справедливое. А без этого вы во веки веков не уйдёте вперёд, т.е. будете думать, что вы ушли вперёд, а уходить будете только теоретически, а не практически.

* * *

СТРАННЫЕ МЫСЛИ

Тягостнее всех других страданий страдания, происходящие от взаимных недоразумений, а эти страдания теперь стали решительно повсеместны.

Если человек притеснён, так он легко восстаёт.

У иных людей мозг находится не в голове, а приносится ветром со стороны Каспийского моря.

В ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было.

Странные мысли иной раз приходят в голову! Не то чтобы ты возымел их, но оне вдруг сами собой предстают, дразня и усмехаясь, и прищуриваясь на тебя. Непотребницы! Егозы! И кто творец этих вдруг набегающих мыслей? [Ясное дело – чорт!]

Страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг.

Для человека нет большей муки, как хотеть мстить, и не мочь отмстить.

Шалости потаённые, как известно, хуже открытых.

Всё на свете обделывает свои дела. «Что кому тробит, тот то и теробит», – говорит пословица.

Всякому своё, всякий пусть занимается своим. По мне уж лучше тот человек, который говорит прямо, что он не знает толку, нежели тот, который корчит лицемера, говорит, будто бы знает то, чего не знает, и только гадит да портит.

По мне, кто не в силах быть благородным без поощрения – не верю я его благородству; не стоит гроша его мышиное благородство.

На свете дивно устроено: весёлое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда Бог знает что взбредёт в голову.

Всякий человек, кто жил и видел свет и встречался с людьми, заметил что-нибудь такое, чего другой не заметил, и узнал что-нибудь такое, чего другие не знают.

Нам мило всё то, с чем мы в разлуке.

Человек под влиянием первого впечатления всегда жив и спешит им поделиться с другим.

Люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним.

Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось, вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить, свойство – над чем-нибудь истинно посмеяться.

Русский человек не может без понукателя: так и задремлет, так и закиснет.

Ведь как бывает? Поехал для порядка, а возвратился пьян.

* * *

ВСЯКОЕ ОБЩЕНИЕ НЕДАРОМ

Что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбе.

Нет уз святее товарищества!

Какая посторонняя сила может так подтолкнуть, как подтолкнёт товарищ своим примером?

Мне кажется, христианин не станет так отыскивать дружества, стараясь деспотически подчинить своего друга своим любимым идеям и мыслям и называя его потому только своим другом, что он разделяет наши мнения и мысли. Такое определение дружества скорее языческое, чем христианское. Притом же и Христос не повелевал нам быть друзьями, но повелел быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчинённое законам, которые начертывает сам человек, с тем небесным братством, которого законы давно уже начертаны на небесах.

Понимаю, как трудно переносить *чёрствость* душевных состояний, но знаю вместе с тем, что велико Божие милосердие. Не трудно веселиться и светлеть духом, когда с нами пребывает благодать Божия и Бог не оставляет нас ни на минуту. Но зато в несколько раз выше подвиг того, кто, не получая благодати, не отстаёт от Бога и выносит крест, тягчайший всех крестов – *крест чёрствости душевной*.

Нехорошо браниться на прощанье, особенно с тем, с кем, Бог знает, скоро ли увидите.

Смотрите же! Мы должны слишком заботиться друг о друге, слишком оберегать друг друга от всего порочного, чтобы потом, когда мы оба будем у Небесного нашего Родителя, броситься нам безукоризненно друг другу в объятия и не попрекнуть бы, что на земле пропустили что-нибудь сделать друг для друга.

Всякая связь и всякое сближение недаром.

Не будем ничего обещать друг другу, а постараемся безмолвно исполнить всё, что следует нам исполнить относительно друг друга, руководствуясь одною любовью к Богу, принимая её, как наложенный на нас закон. Ответа и наград будем ожидать от Бога, а не от себя, так что, если бы кто-нибудь из нас был неблагодарен, мы не должны даже и замечать этого. Бог не бывает неблагодарен! На таких положениях заключённая любовь или дружба неизменна, вечна и не подвержена колебаниям. А если мы заключим нашу дружбу вследствие каких-либо побуждений наших собственных, хотя бы очень чистых, да вздумаем начертывать друг для друга закон её действий относительно нас или же требовать какого-либо возмездия за нашу дружбу, то узы такие будут гнилые нитки, чорт завтра же посмеётся над такою дружбою и напустит такого туману в глаза, что не только другого, но даже и самого себя не разберёшь.

Все требуют к себе любви. Что ж делать? И скотинка любит, чтобы её погладили: сквозь хлев просунет для этого морду – на, погладь!

Любить мы должны всегда, и чем более в человеке дурных сторон и всяких мерзостей, тем, может быть, ещё более мы должны его любить. Потому что, если среди множества дурных его качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления. Но это можно сделать только одною любовью, любовью, очищенною от всего пристрастного. Ибо если подлое чувство гнева хотя на время взнесётся над этою любовью, то такая любовь уже бессильна и ничего не делает.

Растёт любовь сама собою; и поглощает потом всё наше бытие, и любитя нам уже оттого, что любитя.

Смотрите на то, любите ли вы других, а не на то – любят ли вас другие.

Мы все зреем и зреем незаметно. Делать добрые дела есть также наука, и прежде, покамест не сделаем меньших, никак не сделаем больших.

Многое нам кажется невозможным оттого, что ум наш не приобрёл привычки обращать на все стороны предмет и что страсти наши торопливо стремятся исполнить, не дождавшись, пока ум переверотит на все стороны дело.

Когда я, бросивши свои трудные обстоятельства, принимался за таковые же другого или даже за размышление о них, душа моя приобретала покой среди беспокойства и мои собственные обстоятельства представлялись потом в яснейшем виде, и я легко находил средства чрез то помочь самому себе. Так тесно мы связаны друг с другом в этом мире!

Если и чувствуем мы тоску или глупое состояние души, то это, верно, для того, чтоб в это время вспомнить о ком-либо другом, а не о себе.

Если ж тяжкое горе нам приключится или важное затруднительное обстоятельство, то помышление в это время о горе другого не только послужит отводом горя, но даже необходимым охлаждением страстных влечений наших, без чего мы в силах наделать множество самых неразумных дел.

Очень много теперь есть истинно достойных людей, которые думают, что они христиане, но христиане только ещё в *мыслях* и в *идеях*, но не в *жизни* и не в *деле*. Они не внесли ещё Христа в самое сердце своей жизни, во все действия свои и поступки. Есть также и такие, которые потому только считают себя христианами, что отыскали в евангельских истинах кое-что такое, что показалось им подкрепляющим любимые их идеи.

Мне становится теперь жалок решительно всяк человек, потому что, право, положение всех в нынешнее время страшно трудно и, к кому ни приглядишься ближе, всяк порождает к себе сострадание.

* * *

ВСЁ, О ЧЕМ ТАК ХЛОПОЧЕМ, ЕСТЬ ПРОСТО СУЕТА

Мне кажется, как будто ещё недостаточно любви у всех нас (хорошо, по крайней мере, то, что мы это более или менее чувствуем); мне кажется, как будто мы всё ещё действуем не собственно против нечистой силы, подталкивающей на грехи и на заблуждения людей, но против самих людей, которых подталкивает на грехи нечистая сила. Самые наиболее любящие из нас ещё не исполнены любовью к людям в такой степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения.

Мне кажется, что теперь, в нынешнее время, более нужны не статьи нападательные или защитительные, которые невольным образом обратятся на чью-нибудь личность и выставят на сцену нас самих, сколько статьи уяснительные многих важных вопросов, относящихся к тем вечным истинам, которые хотя покуда ещё и не раздаются в обществе, но к которым поворот, однако же, неминуемо долженствует наступить.

Мне кажется подчас, что всё то, о чём так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*. Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всём: правда повеет от слов его.

Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святыне, то и собственное выражение лица нашего становилось бы лучше, и речь наша облеклась бы в то приличие, ту любовную, родственную простоту, которая всем нравится и вызывает с их стороны тоже расположение к нам, так что не скажет нам тогда никто неприличного или дурного слова.

Странен человек: его огорчает сильно нерасположение тех самых, которых он не уважает и насчёт которых отзывается резко, понося их суетность и наряды.

Будет ли мне какая польза из того, что в твоей душе поселится обо мне мнение выгоднейшее прежнего, лучше ли я стану от этого?

Иной дурак нужен уже затем, что в нём отражаются карикатурно и видней глупости умных людей.

Легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.

Право, чем кто больше урод, тем более воображает, что в него все влюбляются.

Нет порока, замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих.

Господи Боже! какое необъятное расстояние между знаньем света и умением пользоваться этим знаньем!

Щедр человек на слово «дурак» и готов прислужиться им двадцать раз на день своему ближнему. Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти хороших.

Как вообще люди способны к злословию!

Как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утончённой, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признаёт благородным и честным.

Что подло, то подло, как вы ни скрывайте его и какой ни давайте вид.

Всё-таки скорей подчинённому следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчинённого. Это законней по крайней мере и легче, потому что у подчинённых один начальник, а у

начальника сотни подчинённых.

Отвратителен подлый человек, пользующийся незаслуженным знаком отличия.

И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчинённых и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови.

В истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно.

О, как чудесно вы свой мир мечтою, греки, населили! как вы его обворожили! А наш – и беден он, и сир, и расквадрачен весь на мили.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!

И какой же русский не любит быстрой езды?

На свете большею частью бывает так, что одна вещь находится в одном углу, а другая, которой бы следовало быть возле неё, в другом.

По странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события, и наоборот – великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объежит наконец города, потом сёла и деревни, а там и целое государство.

Никогда вначале не видно всего широкого течения и объёма дела.

Зацепил – поволок, сорвалось – не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать.

Как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться.

Глупы мы, за суетой гоняемся! Право, от безделья! Всё близко, всё под рукой, а мы бежим за тридевять земель.

Творец! как ещё прекрасен твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых больших дорог и городов.

Мода – губительница и разрушительница всего, что колоссально, величественно, свято.

О каких высших потребностях они толкуют, кого надувают? Книги хоть и заведут, но ведь их не читают. Дело кончится картами да пьянством.

Выдумали, что в деревне тоска, – да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провёл в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки, дурачье, ослиное поколение!

Казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар.

Так всегда на свете: посмейся над истинно благородным, над тем, что составляет высокую святыню души, – никто не станет заступником; посмейся же над порочным, подлым и низким – все закричат: «Он смеётся над святыней!»

Грусть оттого, что не видишь добра в добре.

Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти; пусть и он вас позабудет: в нём нет успокоения. Всё в нём враг, искуситель или предатель.

* * *

СТРАННЫЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА

Кто скрывается, у того, верно, на уме недоброе дело.

Это, однако же, бессовестно: лгать и не чувствовать самому.

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в это время рассудка подумать, что на щепке может разве прокатиться верхом муха, а в нём весу чуть не четыре пуда, если даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку.

Поди ты сладь с человеком! не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрёт; пропустит мимо создание поэта, ясное как день, всё проникнутое согласием и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напугает, наплетёт, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: «Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!» Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашёптываньями и заплёвками, или, ещё лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни, которая, Бог знает почему, вообразится ему средством против его болезни.

И оказалось ясно, какого рода создание человек: мудр, умён, и толков он бывает во всём, что касается других, а не себя; какими осмотрительными, твёрдыми советами снабдит он в трудных случаях жизни! «Экая расторопная голова! – кричит толпа. – Какой неколебимый характер!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь беда и доведись ему самому быть поставлену в трудные случаи жизни, куды делся характер, весь растерялся неколебимый муж, и вышел из него жалкий трусишка, ничтожный, слабый ребёнок, или просто фетюк.

Баба – мешок: что положат, то и несёт.

Велика власть слабой женщины. Многих сильных погубляла она.

Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг твёрже не только мужчины, но и всего что ни есть на свете.

Полная красота дана для того в мир, чтобы всякий её увидал, чтобы идею о ней сохранял навечно в своём сердце.

Красота производит совершенные чудеса. Все душевные недостатки в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышит в них миловидностью; но исчезни она – и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение.

Женщине легче поцеловаться с чортом, чем назвать другую красавицей.

Никогда жалость так сильно не овладевает нами, как при виде красоты, тронутой тлетворным дыханием разврата.

Когда человек влюбится, то он всё равно, что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, согни – она и согнётся.

Жениться – это вам не в баню сходить.

Брак – это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь, это обязанность совершенно другого рода.

Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть, или, лучше сказать, самая книга, – потому что первая только предуведомление к ней, – спокойна, и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днём открывается более и более; и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и

обыкновенными.

Для того всё приятно делать, кого любишь.

Как воспитать тому детей, кто сам себя не воспитал? Детей ведь только можно воспитать примером собственной жизни.

Ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после сам дивится своей недогадливости.

Самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их: бесхарактерное подаёт мысль о характерном, мелкое и плоское вызывает в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подаёт идею о возвышении вверх, и так далее.

Странное свойство человека! – чем более трудностей, чем более преград, тем более он летит туда.

С победою препятствий всегда соединяется наслаждение.

* * *

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ УМА

Слава не может дать наслаждения тому, кто украл её, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном её.

Нет ничего приятнее, как быть обязану во всём самому себе.

Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, не отрываясь от того места и угла, на котором он постановлен.

Кто глядит в душу себе, тот из всего возьмёт то, что нужно.

Всякий человек, с того места или ступеньки в обществе, на которую поставили его должность, звание и образование, имеет случай видеть тот же предмет с такой стороны, с которой кроме него его никто другой не может видеть.

Для того, чтобы идти дорогой собственного ума, нужно прежде изрядно поумнеть.

При находчивой голове, затруднительность обстоятельств лишь усиливает умственную изобретательность. Душа же человека с каждым днём становится ясней.

Дело ведь в применении, в уменье приложить данную мысль таким образом, чтобы она принялась и поселилась в нас.

Простой ум умеет подтрунить над дураком и посмеяться, но ум высший умеет вынести всякое оскорбление, спустить дураку – и не раздражиться.

Сохранить посреди каких бы то ни было огорчений высокий покой, в котором вечно должен пребывать человек – вот высшая степень ума!

Если Бог хочет наказать, так отнимает прежде разум.

То, что бы приняли люди просвещённые с громким смехом и участием, то самое возмущает жёлчь невежества.

Заблаговременно составившиеся превратные понятия чрезвычайно трудно после искоренить.

* * *

ВЕЛИКАЯ ПОМОЩЬ СТРАЖДУЩЕМУ

У всякого есть какие-нибудь враги, с которыми нужно бороться: у иных они в виде болезней и недугов физических, у других в виде сильных душевных скорбей.

Здоровые, не зная, куда деваться от тоски и скуки, ждут как блага болезней, болящим кажется, что нет выше блага, как физическое здоровье.

Счастливей всех тот, кто постигнул, что это строгий, необходимый закон, что если бы не было моря и волн, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильней и упорней следует грести обоими вёслами, когда сильней и упорней противящиеся волны. Всё ведёт к тому, чтоб мы крепче, чем когда-либо прежде, ухватясь за крест, плыли поперёк скорбей.

Ко многому, дотоле не испытанному и не узанному, приводится болезненными страданиями человек. Сверх всего прочего, они приводят нас и к тому, чтобы узнать всю силу братской помощи, которую может оказать на земле человек человеку.

Голос из глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему.

Вследствие такой помощи, люди могут возлюбить так друг друга, что в любви этой предвкушается уже Сам Бог и зарождается к Нему то неугасимое стремление, которого не дадут ни посты, ни молитвы, ни милостыня, раздаваемая бедным.

Нет, не медной копеей мы должны подавать милостыню, медная копейка примется от того, кто на выработанные её употребил все данные ему от Бога способности. Мы разве употребили наши способности? Где наши дела? Не часто ли, в минуты бедствий произносит человек: «Господи, за что это приходится мне терпеть столько? Кажется, я никому не сделал зла на своём веку, никого не обидел». Но что скажет он, если в душе раздадутся в ответ на это такие слова: «А что сделал ты добра? Или ты призван затем, чтобы не делать только зла?»

Может быть, даже и тот, который находится при смерти, и тот не избавлен от обязанностей христианских; может быть, и тогда не имеет он права быть эгоистом и думать о себе, а должен помышлять о том, как и самими страданиями своими быть полезен брату, может быть, оттого так и невыносимы его страдания, что он позабыл о своём брате. Много ещё тайн для нас, и глубокий смысл несчастий!

Может быть, эти трудные минуты и томленья ниспосылаются тебе для того, чтобы довести тебя именно до того, о чём ты просишь в молитвах, может быть, даже нет к тому иной дороги, нет другого законнейшего и мудрейшего пути, как именно этот путь.

Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случилось в нами, и будем ежеминутно молиться об уяснении очей наших. Будем добиваться ответа из глубины душ наших и, что найдём там в утешение себе, да поделимся братски.

Состояние души страждущей есть уже святость, и всё, что ни исходит оттуда, драгоценно, и поэзия, изникшая из такого лона, выше всех поэзий.

Нет горя и болезни душевной или физической, которых бы нельзя было выплакать слезами.

Не жалея слёз, пусть потрясётся ими весь состав твой; такое потрясение благотельно. Иногда врачи употребляют все средства для того, чтобы произвести потрясение в больном, которое одно бы только пересилило болезнь – и не могут, потому что на многое не хватает физических средств.

Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: так Богу угодно. А для чего так Богу угодно? Чего хочет от нас Бог сим несчастьем? – этих вопросов никто не задаёт себе. Часто мы должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших.

Почему знать, может быть, томления и страдания именно ниспосылаются тебе для того, чтобы ты восчувствовал эти томленья и страдания во всей их страшной силе, чтобы мог потом представить себе во всей силе положение брата своего, находящегося в подобном положении, какого положения ты никогда бы не мог представить себе.

Если будешь лечить кого-нибудь, лечи в то же время и душу его, и лечение твоё будет сугубо-целительно. Говори больному своему, что если он хочет, чтобы лекарство твоё ему, точно, помогло, то прежде всего должен освободить свою душу от всего тяжкого, что на ней лежит, строго пересмотреть самого себя, ни наделал ли он каких грехов, за которые послал ему Бог болезнь, и покаяться в них и дать искреннее обещание не делать ничего впредь подобного.

На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом. Все мази и притирания надобно понемногу отправлять за окошко. Тело твоё возбуждали довольно, пора ему дать даже необходимый отдых, а вместо того следует дать работу духу.

Стремись и стремленьем достигнешь до крепости духа. Только постоянным пребыванием в этом вечном прошении о помощи окрепнешь ты духом и приведёшь его в беспреостанное восторгновение, могущее всё победить в мире. Но в один день нельзя так окрепнуть. Вырастает дерево и на голом камне, но это не делается вдруг: вначале камень покрывается едва заметною плесенью, чрез несколько времени, наместо её, показывается уже видимый мох, потом первое растение; растение сгнивши приготовляет почву для дерева; наконец показывается самое дерево. Всё стройно и причинно. Можно и ускорить дело, потому что в нас же заключены и ускоряющие орудия. Умей только найти их.

* * *

ПОМНИ О СМЕРТИ

Всегда жалко, когда видишь человека, в свежих и цветущих годах похищенного смертью. Ещё более, если этот человек был близок к нам. Но мы должны быть тверды и считать наши несчастья за ничто, если хотим быть христианами.

Частые потери наконец так приучают сердце и ум к мысли о смерти, что она, наконец, не имеет для нас ничего ужасного.

Истинный христианин радуется смерти близкого своему сердцу. Он, правда, разлучается с ним, он не видит уже его, но он утешен мыслью, что друг его уже вкушает блаженство, уже бросил все горести, уже ничто не смущает его. И в этом-то состоит глубокое самоотвержение, какое может только быть и какое может только внушить одна христианская религия.

Память смертная – это первая вещь, которую человек должен ежеминутно носить в мыслях своих. В Священном Писании сказано, что тот, кто помнит ежеминутно конец свой, никогда не согрешит.

Кто помнит о смерти и представляет её себе перед глазами живо, тот не пожелает смерти, потому что видит сам, как много нужно наделать добрых дел, чтобы заслужить добрую кончину и без страха предстать на суд пред Господа.

По тех пор, покуда человек не сроднится с мыслью о смерти и не сделает её как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывать от дня до дня на будущее время.

Постоянная мысль о смерти воспитывает удивительным образом душу, придаёт силу для жизни и подвигов среди жизни. Она нечувствительно крепит нашу твёрдость, бодрит дух и становится нас нечувствительными ко всему тому, что возмущает людей малодушных и слабых.

Содержа в мыслях перед собою смерть и видя перед собою неизмеримую вечность, нас ожидающую, глядишь на всё земное, как на мелочь и на малость, и не только не падаешь от всяких огорчений и бед, но ещё вызываешь их на битву, зная, что только за мужественную битву с ними можно удостоиться получения вечности и вечного блаженства.

Молю Бога ежеминутно, чтобы продлил сколько возможно подольше жизнь мою, дабы я в силах был наделать много добрых дел.

Когда здоровье всё хуже и хуже, появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив Бога за всё, уступить, может быть, своё место живущим. Но да будет во всём Его святая воля! Угодно будет необыкновенным чудом Ему спасти и продлить жизнь нашу, велика тогда будет сила Его и высшая премудрость. Угодно будет прервать её, велика также будет Его сила и высшая премудрость, и это будет знак, что смерть наша, верно, была полезней и нужней самой нашей жизни.

* * *

СПАСАЙ ЧИСТОТУ ДУШИ СВОЕЙ

Дурные люди суть те, которые неспособны изумляться ничему прекрасному.

У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего. Хотел бы, кажется, помочь им, но редкие, редкие из них имеют светлый природный ум, чтобы увидеть истину моих слов.

[Сам] дурак – [это] бы ещё пусть, это при нём бы и оставалось, [но ведь страдают от того также и другие.]

Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор – чорт их знает откуда и нанесут всякой дряни!

Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займётся собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Всё придёт тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперёд.

Те вещи, которые нам даны с тем, чтобы помнить их вечно, не должны быть старыми: их нужно принимать как новость, как бы в первый раз только их слышим, кто бы их ни произносил нам.

Бог устами лучших людей только говорит.

В руках таланта всё может служить орудием к прекрасному, если только правиться высокой мыслью послужить прекрасному.

Театр ничуть не безделица. Это такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра.

Драма живёт только на сцене. Без неё она как душа без тела.

Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызгану одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его, и указывает на него пальцем, и толкует об его неряшестве, тогда как тот же народ не замечает множества пятен на других проходящих, одетых в будничные одежды. Ибо на будничных одеждах не замечаются пятна.

Это вздор что выпустили глупые светские умники, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, а после уж и черты нельзя изменить в себе: только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль.

Может быть, из учёбы только два-три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, может, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье, да выманивает деньги.

Пустота и праздность – верные спутники разврата.

Но кого не увлекает самолюбие, некоторый успех и множество разных соблазнов, окружающих со всех сторон человека?

В праздности приходят искушения, о которых бы и не подумал человек, занявшись работою.

Хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь. А у нас, ещё не сделавши дела, им хвастаются, – хвастаются будущим!

По мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, чем самонадеянность в себе. В

первом случае человек, по крайней мере, увидит свою презренность, подлое ничтожество своё и вспомнит невольно о Боге, возносящем и выводящем всё из глубины ничтожества; в последнем же случае он убежит от самого себя прямо в руки к чорту, отцу самонадеянности, дымным надмением своих доблестей надмевающему человека.

Пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. И как бессмысленно совершается это страшное событие!

* * *

ВЫСОКО ВОЗВЫШАЕТ ИСКУССТВО

Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее наслаждение, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел. Здесь, именно здесь подражает Богу человек. И это ещё называют скучным делом!

Едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить.

Только тот труд, который заставляет целиком всего человека обратиться к себе и уйти в себя, есть наш избавитель. На нём только прячется душа, воля крепнет и видней определяется собственная доля наша.

Ведь удовольствие действительно в труде. И ничего нет слаще, как плод собственных трудов.

Все роды [творчества] хороши, когда они хороши в своём роде. Терпимость нам нужна; без неё ничего не будет для искусства.

Искусство есть дело великое.

Высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движениям души.

Гений – богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища.

Поэт, не имеющий обширного гения, всегда недоволен одним простым сюжетом и, вместо того, чтобы развить его и сделать огромным, он привязывает к нему множество других; его поэма обременяется пестротой разных предметов, но не имеет одной господствующей мысли и не выражает одного целого.

Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки. Мы имеем чудный дар делать всё ничтожным.

Необыкновенное поражает всякого, но тогда только, когда оно смело, резко и разом бросается в глаза.

Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внезапное, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение.

Истинный эффект заключён в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте. Контраст тогда только бывает дурён, когда располагается грубым вкусом или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех.

Есть чувства, о которых не следует говорить, и произносить о них что-нибудь уже значит профанировать их.

Чувства наши всегда знают и видят даже отличительные признаки, но слова их никогда не расскажут.

Нет в мире власти, которая может исторгнуть из груди нашей то, что дороже нам всего.

Родник поэзии есть красота.

Чистая поэзия всегда лаконизм. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения, перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором

слишком просвечивает одна главная идея.

Поэзия есть чистая исповедь души, а не порождение искусства или хотения человеческого; поэзия есть правда души, а потому и всем равно может быть доступна.

Стремление быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, это стремление тревожит поэта во всё продолжение его жизни и умирает в нём только с его собственной смертью.

Много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл созданья.

Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина.

Робкие ученики копируют с точностью мелочные подробности оригинала и позабывают об идее целого.

Непостижимое явление: то, что вседневно окружает нас, что неразлучно с нами, что обыкновенно, то может замечать один только глубокий, великий, необыкновенный талант. Но то, что случается редко, что составляет исключение, что останавливает нас своим безобразием, нестройностью среди стройности, за то схватывается обеими руками посредственность.

Жизнь глубокого таланта течёт во всё своём разливе, со всею стройностью, чистая как зеркало, отражая с одинаковою ясностью и тёмные и светлые облака: у посредственности она течёт мутною и грязною волною, не отражая ни ясного, ни тёмного.

Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства.

Искусство уже в самом себе заключает свою цель. Стремление к прекрасному и высокому – вот искусство. Это непрменный закон искусства: без этого искусство – не искусство. А потому ни в каком случае не может быть оно безнравственно.

* * *

СМЕХ ДА НА ДОБРОЕ ДЕЛО

Искусство стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеётся над безобразием всего худшего в человеке.

Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; но бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого.

Масса публики, представляющая в лице своём нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: «Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были». Но попробуй поэт, послушный её велению, изобразить всё в совершенной истине и так, как было, она тотчас заговорит: «Это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было». Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий; но горе ему, если он не умел скрыть всех её недостатков!

Часто сквозь видимый миру смех льются невидимые миру слёзы.

Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь её таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? Спрашиваю: разве это не похвала добру?

Ничего более не боится человек так, как смеха. Боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила.

Даром нам дан смех, когда его боится последний негодяй, которого ничем не проймёшь, его боится даже и тот, кто ничего не боится? Значит, он дан на доброе дело.

Если сила смеха так велика, что её бояться, стало быть, её не следует тратить попустому.

Со смехом шутить нельзя.

Смех создан на то, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Смеха боятся все низкие наши страсти.

Предмет комедии и вообще сатиры не достоинство человека, а презренное в человеке.

Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего.

Смех – великое дело; он не отнимет ни жизни, ни имения, но перед ним виновный – как связанный заяц.

Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете.

Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.

Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указанья слабых и смешных собственных сторон.

В ком нет духа посмеяться над собственными недостатками своими, лучше тому век не смеяться! Иначе смех обратится в клевету, и, как за преступление, даст он за него ответ!

Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многие бы возмутило человека, быв представлено в наготу своей; но озарённое силою смеха, несёт оно уже примиренье в душу.

Высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем, и целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха!

Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви.

Засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа.

Неужели мы должны век серьёзничать, и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша?

* * *

НЕ ДЕЛО ПОЭТА ВТИРАТЬСЯ В МИРСКОЙ РЫНОК

Талант не искателен, но корыстолюбие искательно. На это так же смешно жаловаться, как было бы странно жаловаться на правительство, встретивши недалёковидного чиновника. Для таланта есть потомство, этот неподкупный ювелир, который оправляет одни чистые бриллианты.

То, что смешно для читателей просвещённых, тому верят со всем простодушием читатели ограниченные, каких можно предполагать большинство.

Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась. Естественное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые, без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики ещё простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, в чём состоит обман, а не пересчитывать их барыши. Что литератор купил себе доходный дом или пару лошадей, это ещё не беда; дурно то, что часть бедного народа купила худой товар и ещё хвалится своею покупкою.

Критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден ещё более сам разбирающий.

Слово, сказанное с сердцем, очень извинительно в человеке, влюблённом в свой предмет и который между тем видит, как мало понимают его другие, но этот человек уже должен, по крайней мере, утвердить за собой авторитет.

Человеку, ничего не сделавшему, трудно верить на слово, особливо, когда его суждения легковесны и проникнуты духом нетерпимости.

Я всегда бежал политики. Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живёт он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая непорочная душа умеет только беседовать с Богом.

Ведь что вся жизнь моя: лютая борьба, судно среди волн.

Увы, это неотразимая истина, что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и, наконец, так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

Одна только слава по смерти знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки.

В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые.

Поэт – это чуткое создание, на всё откликающееся в мире и себе одному не имеющее отклика.

На то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде.

Уделы поэтов не равны. Одному определено быть верным зеркалом и отголоском жизни – на то и дан ему многосторонний, описательный талант. Другому повелено быть передовою, возбуждающею силою общества во всех его благородных и высших движениях – и на то дан ему лирический талант.

Часто, слушая, как всенародно судят и толкуют о поэте, когда прения воздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжищах, – думаю во глубине души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и воссылать, упавши на колени, жаркие молитвы к небу?

Как суетны люди, требующие отчёта впечатлений, произведённых великим созданием поэта, зная наперёд, что он не будет ответом на безрассудное желание их!

Способность вымысла и творчества есть слишком высокая способность и даётся одним только всемирным гениям, которых появление слишком редко на земле; опасно и вступать на этот путь другому. Многие даже из первокласснейших талантов становились ниже себя, зашедши в область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшие таланты, когда событиями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души.

Скажу об одном душевном открытии, которое подтверждается более и более, чем более живёшь на свете, хотя вначале оно было просто предположение или, справедливее, предельное. Это то, что в душе у поэта сил бездна. Ежели простой человек борется с неслыханными несчастиями и побеждает их, то поэт непременно должен побеждать бóльшие и сильнейшие. Рассматривая глубоко и в существе те орудия, которыми простые люди побеждали несчастья, видим с трепетом, что таких орудий целый арсенал вложил Бог в душу поэта. Но их большею частью и не знает поэт и не прибегает к узанию.

Поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это – огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его.

* * *

ПОПРИЩЕ СЛОВА

Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своём поприще. Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом – мало ли на что можно сослаться. У человека вдруг явятся тесные обстоятельства. Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на рановременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение.

Обращаться со словами нужно честно.

Человек многоречив всегда, когда в его грусти заключается тайная сладость.

Не принимайся за перо до тех пор, пока [дело] в голове не установится в такой ясности и порядке, что даже ребёнок в силах будет понять и удержать всё в памяти.

У писателя только и есть один учитель: сами читатели.

В писателе всё соединено с совершенствованием его таланта, и обратно: совершенствование таланта соединено с совершенствованием душевным.

Иногда нужно иметь противу себя озлобленных. Кто увлечён красотами, тот не видит недостатков и прощает всё; но кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить её так ярко внаружу, что поневоле её увидишь.

Истину так редко приходится слышать, что уже за одну крупницу её можно простить всякий оскорбительный голос, с каким бы она ни произносилась.

О, как нам нужны беспрестанные щелчки, и этот оскорбительный тон, и эти едкие, прожигающие насквозь насмешки! На дне души нашей столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку.

Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне.

Лучистой, дальнею звездой людей влечёт и тянет слава, но ложен чад её густой, горька блестящая отравка.

Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в неё.

Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облёкся и на которые раздробился, тем более останавливается всеобщее внимание на образах. Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл создання. Но разбирать и складывать такие буквы быстро, читать по верхам и вдруг – не всякий может; а до тех пор долго будут видеть одни буквы.

Слог и язык – первые необходимые орудия всякого писателя.

Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей.

Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не даёт мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасёт его самая учёность – его не будут слушать.

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны. Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе.

Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь! Ведь ты, верно, не хочешь делать подстрочного перевода?

Вы боитесь глубоко устремлённого взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду?

О слоге или красоте выражений нечего заботиться; дело в *деле* и в *правде* дела, а не в слоге.

Автору с читателем нужно входить в подробнейшее объяснение всякого обстоятельства и быть просту в речах, как с ребёнком, опасаясь ежеминутно, чтоб не употребить выражений свыше его понятия.

Уединение питает великие мысли, а книги спасают от праздности человека.

* * *

БЕЗ ИСКУССТВА МИР БЫЛ БЫ ПУСТЫНЯ

Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе.

Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа.

Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утончённых изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей и – бросились в музыку.

Благодарность зиждительно мириад за благость и сострадание к людям! Скульптура, живопись и музыка – три чудные сестры – посланы им украсить и усладить мир: без них он бы был пустыня и без пения катился бы по своему пути.

Я не люблю говорить ни о музыке, ни о пении. Мне кажется, что все музыкальные трактаты и рецензии должны быть скучны для самих музыкантов: в музыке огромнейшая часть её невыразима и безотчётна. Музыкальные страсти – не житейские страсти; музыка иногда только выражает, или, лучше сказать, поддельвается под голос наших страстей, для того чтобы, опершись на них, устремиться брызжущим и поющим фонтаном других страстей в другую сферу.

Музыка – вся порыв; она вдруг, за одним разом, отрывает человека от земли его, оглушает его громом могучих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет.

Невидимая, сладкогласная, музыка проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром!

Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?

* * *

СИЛА И СЛАБОСТЬ СЛОВА

Благозвучие не так пустое дело, как думают те, которые незнакомы с поэзией. Оно так же бывает нужно, как во храме курение кадильное, которое уже невидимо настроет душу к слышанию чего-то лучшего ещё прежде, чем началось самое служение.

Поверьте, что всё можно сказать, если только сумеешь умно сказать. Неудача самых великодушных и благодетельных действий происходит собственно от неразумия нашего.

Ещё не большая мудрость сказать укоризненное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем.

Не может без причины произнесть слово, и везде может зарониться искра правды.

Сокровенные чувства как-то становятся пошлыми, когда облакаются в слова.

Неприлично употреблять умные речи с кабачными бойцами.

Как ни глупы слова дурака, а иногда бывают они достаточны, чтобы смутить умного человека.

Есть люди, которые имеют искусство всё охать. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать её так пошлою, что сам краснеешь. Скажешь глупость, она бы, может быть, так и проскользнула незамеченной, – нет, отыщется поклонник или приятель, который непременно пустит её в ход и сделает ещё глупее, чем она есть.

Произнесённое метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором.

Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку.

Перед вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовёт вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его.

Необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нём все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких, он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно.

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название ещё драгоценней самой вещи.

В каждом слове бездна пространства, каждое слово необъятно.

Нет слова, которое так бы кипело и животрепетало, как русское слово.

Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словцом, то пойдёт оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света.

Всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; лёгким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека. Но какая же непостижимая сила влечёт к тебе?

Так любить, как русская душа... Нет, так любить никто не может!

* * *

ПРОЧИТАВШИ, ПРЕДАЙСЯ РАЗМЫШЛЕНИЮ

Не следует упускать из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий.

Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа.

Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственней ему других речей. И часто неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприютность ночлегов, и современный свет, полный глупостей людских, обманов, обманывающих человека. И живо потом, навсегда и навеки останется проведённый таким образом вечер, и всё, что тогда случилось и было, удержит верная память.

Мало ли чего не приходит в ум во время прогулок человеку, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, тербит, дразнит, шевелит воображение и бывает ему любо даже тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется!

К счастью человечества, существуют книги, которые относятся к душе нашей и обнаруживают её глубочайшие тайны, и было много передовых людей, проживших такую жизнь, которая донине ещё загадка. Книги эти настроят тебя к углублению в себя. Да и что говорить об этом! В такое время сам Бог помогает человеку много и просвещает его мысленные взоры.

Отдайте один час вашего дня на заботу о себе, проживите этот час внутреннею, сосредоточенною в себе жизнью. На такое состояние может навести вас душевная книга.

Братски и союзногласованное чтение книг, полезных душе, много помогает всегда. Самому не всё и не так читается, с человеком безучастным и не знакомым с подобным положением души тоже не так читается.

Прочитавши, предайся размышлению и хорошенько обдумай прочитанное, чтобы не принять тебе в буквальном смысле того, что должно быть принято в духовном смысле. Иначе и с добрым намерением можно наделать много неразумных дел.

Вникайте в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг.

Даже и в простые слова простого человека следует хорошенько вслушиваться, а тем более в слова возвышенные и направленные ко спасению души нашей, какие находятся на всяком месте Святого Писания.

* * *

ПУСЛЫЕ ПРИЛИЧИЯ СВЕТА

Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придёт. Пример вам города: лучше и красивее до сих пор города, которые сами построились, где каждый строился по своим надобностям и вкусам. А те, которые выстроились по шнурку, – казармы казармами.

Иконы вынесли из храма – и храм уже не храм; летучие мыши и злые духи обитают в нём.

Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование; что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера. Великолепие повергает простолюдина в какое-то онемение, и оно-то единственная пружина,двигающая диким человеком.

Указ, как бы он обдуман и определителен ни был, есть не более, как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желания применить его к делу тою именно стороною, какой нужно, какой следует и какую может прозреть только тот, кто просветлён понятием о справедливости божеской, а не человеческой. Без того всё обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ, для которых новый указ есть только новая пожива, новое средство загромоздить большою сложностью всякое отправление дел, бросить новое бревно под ноги человеку!

У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбием, и самолюбием, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма и положил самому себе в непременный закон – служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не для своего.

Не знаю, много ли из нас таких, которые сделали всё, что им следовало сделать, и которые могут сказать открыто перед целым светом, что их не может попрекнуть ни в чём Россия, что не глядя на них укоризненно всякий бездушный предмет её пустынных пространств, что всё ими довольно и ничего от них не ждёт.

В России две беды: дураки и дороги.

Какая странная мода теперь завелась на Руси! Сам человек лежит на боку, к делу настоящему ленив, а другого торопит, точно, как будто непременно другой должен изо всех сил тянуть от радости, что его приятель лежит на боку. Чуть заметят, что хотя один человек занялся серьёзно каким-нибудь делом, уж его торопят со всех сторон, и потом его же выбранят, если сделает глупо, – скажут: «Зачем поторопился?»

К чему это пустое любопытство знать вперёд и эта пустая, ни к чему не ведущая торопливость? Смотри, как в природе совершается всё чинно и мудро, в каком стройном законе, и как всё разумно исходит одно из другого! Одни мы, Бог весть из чего, мечемся. Всё торопится, всё в какой-то горячке.

Кто решился исполнить своё дело честно, того не могут поколебать никакие обстоятельства, тот протянет руку и попросит милостыню, если уж до того дойдёт дело, тот не посмотрит ни на какие временные нарекания, ниже пустые приличия света. Кто из пустых приличий света портит дело, нужное своей земле, тот её не любит.

В ком сильное отвращение от ничтожного, в том, верно, заключено всё то, что противоположно ничтожному.

Нет в людях такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества. В этом вся беда. Как ослепляет людей их имущество! Из-за него они и бедной души своей не слышат. Но дело не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять.

Дело не в этом имуществе, из-за которого спорят и режут друг друга люди, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте, покамест, брося всё то, из-за чего грызут и едят друг друга не земле, не подумают о благоустройстве душевного

имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Что ни говорите, ведь от души зависит тело.

* * *

СОБСТВЕННАЯ НАША ДУША

Дело моё есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело моё – душа и прочное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно. Мне незачем торопиться; пусть их торопят другие!

Ближе всего к нам собственная наша душа.

Самое главное – считайте всё за ничто, кроме одного Бога, как оно и действительно есть, и ничем не смущайтесь. Поверьте, что всё это, что вас так смущает, в существе своём такая дрянь, что грех даже и думать о том много. Старайтесь лучше быть веселы и беспрестанно благодарите Бога за то, что у вас уже есть; потому что и этого уже очень много, и многие бы поменялись с вами своею участью.

Душа ваша сама найдёт законы и определит всему надлежащую меру. А до того будьте светлы духом и не смущайтесь ничем.

Человек может жить двояко: истинной (внутренней) жизнью или жизнью ложной, призрачной (внешней). Под внутренней жизнью я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живёт одними впечатлениями, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный ему талант, а не зарыть его в землю, – зная, что не для своих удовольствий дана ему жизнь.

С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных, не переходил из одного положения в другое и, если встречал на дороге что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломал голову, а махнув рукой и сказавши: «объяснится потом!» шёл далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне, и всё потом объяснялось само собой.

Все люди идут по одной дороге. По обеим сторонам этой дороги много прекрасных видов, и многие умеют наслаждаться ими и чувствовать красоту их, но небесной милостью дано одним было в удел слышать раньше, что всё это ещё не в силах совершенно удовлетворить человека, что вид по сторонам ещё не цель и что дорога непременно должна вести куда-то. Другие более склонны верить, что дорога эта дана нам просто для прекрасной прогулки. Один любит виды с дороги, но не хочет для них собственно сворачивать с большого пути, чувствуя, что ждущее нас впереди должно быть и лучше и неизменной, иначе не было бы такой широкой и прекрасной дороги, и что неразумно предаваться всей душой земному и тому, что может изменить нам и даётся на срок. Другой не хочет наслаждаться видами только с дороги, но хочет схватить жадно руками всякий вид, войти во внутрь заманившего его местоположения, сворачивает в окрестные извилистые пути и, не думая что впереди, отдаётся всей прелести настоящих минут.

Земная жизнь наша не может быть и на минуту покойна, это мы должны помнить всегда. Тревоги следуют одне за другими; сегодня одне, завтра другие. Мы призваны в мир на битву, а не на праздник: праздновать победу мы будем на том свете. Здесь мы должны мужественно, не упав духом сражаться, дабы получить больше наград, больше повышений, исполняя всё как законный долг наш с разумным спокойствием, осматриваясь всякой раз вокруг себя и сверяя всё с законом Христа Господа нашего.

Некогда нам помышлять о робости или бегстве с поля: на всяком шагу предстоит нам подвиг христианского мужества, всякой подвиг доставляет нам новую ступень к достижению Небесного Царствия.

Чем больше опасности, тем сильней следует собрать силы и возносить сильней молитву к Богу. Находящийся среди битвы, не теряй сего ни на час из виду; готовящийся к битве, приготовляй себя к тому заранее, дабы трезво, бодрственно и весело потечь по дороге! Смелей! Ибо в конце дороги Бог и вечное блаженство!

Но, как безумные, беспечные и недалёзоркие, мы не глядим на конец дороги, оттого не получаем ни бодрости, ни сил для путешествия по ней. Мы видим одни только препятствия, не замечая, что они-то суть наши ступени восхождения. А чаще всего мы всё видим иначе: пригорок нам кажется горю, малость – великим делом, призрак – действительностью, всё преувеличивается в глазах наших и

пугает нас. Потому что мы глаза держим вниз и не хотим поднять их вверх. Ибо если бы подняли их на несколько минут вверх, то увидели бы свыше всего только Бога и свет от Него исходящий, освещающий всё в настоящем виде, и посмеялись бы тогда сами слепоте своей.

Христианин не может быть только учителем или только учеником, он всегда то и другое вместе, а потому он всегда идёт вперёд, и нет для него конца совершенствованию.

* * *

СВЯЩЕННАЯ ВЕРА

Считай себя каждый не иначе как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты был стар, чтобы учиться, что ты дошёл до настоящей зрелости и развития и что характер и душа твоя уже таковы, какими должны быть, и не могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса: он до самого гроба ученик.

Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь – горечь, а не наслаждение, что все мы здесь подёнщики и плату получаем только *там* за ревностное исполнение своего дела, – до тех пор не обратится нам жизнь в *наслаждение*, и не почувствуем значенья слов: «Иго Моё благо и бремя Моё легко есть».

Если мне и удавалось на веку своём помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскивали себе Высшего Советника, и мне не оставалось ничего более, как только им напомнить, к кому нужно обращаться за всеми надобностями.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести!

Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на Всевышнего, в руке Которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначено всякому человеку, по крайней мере, буду стараться сколько возможно быть таковым.

Верьте, что Бог ничего нам не готовит в будущем, кроме благополучия и счастья. Источник их находится в собственном нашем сердце. Чем оно добрее, тем более имеет притязаний и прав на счастье. Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их.

Живите как можно веселее, прогоняйте от себя неприятности, по крайней мере, не смущайтесь ими: всё пройдёт, всё будет хорошо. Неужели вы не замечаете чудной воли высшей – всё [, что ни делается,] делается единственно для того, чтобы мы более поняли после своё счастье.

Богу не люб человек унывающий, пугающийся, словом – не верующий в Его небесную любовь и милость.

Не омрачаться, но стараться светлеть душой должны мы непрерывно. Бог есть свет, а потому и мы должны стремиться к свету. Бог есть верховное веселие, а потому и мы должны быть также светлы и веселы. Веселы именно тогда, когда всё воздвигается противу нас, чтобы нас смутить и опечалить. Иначе и заслуги нет никакой: нетрудно быть веселу, когда вокруг нас всё весело; тогда всякой умеет веселиться: и не просвещённый верою, и не имеющий никакой твёрдости человек, и не христианин, и язычник тогда умеют быть спокойными и веселиться. Но достоинство христианина в том, чтобы и в печали быть беспечальну духом.

Закон Божией премудрости мёртв для людей. Они верят только чуду, но чудом помогает нашему бессилию в слишком важных случаях Бог, а от нас требует собственной работы, требует, чтобы мы подражали Ему самому, требует той самой мудрости, которую Он разлил повсюду в Своих творениях. Всякий предмет в мире поставлен нам в урок и в упрёк. Смотрите, какая глубокая постепенность в ходе всякого дела Божия, как одно истекает из другого. Сколько терпенья видно у Бога во всяком деле!

* * *

ПРИХОД БОГА В ДУШУ

Много есть вещей, на которые следует взглянуть гораздо пристальнее, чем мы глядим. Многие люди смело произносят: «Этого нет», потому только, что они этого не видят.

Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается всё, и никто не верит чудесам, – в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настаёт только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность.

Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось в наши души. Итак, светлей и светлей да будут с каждым днём и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в Бога, и да не дерзнёте вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастьем.

Да обезответствует сердце моё к житейским скорбям и бурям, их же воздвигает сатана на возмущенье духа моего.

Да не возложу моей надежды ни на кого из живущих на земле, но на Тебя единого, Владыко и Господин мой!

Отдалите от себя мысль, что многое тут находящееся относится к монашеской или иной жизни. Если вам так покажется, то значит, что вы ещё далеки от настоящего смысла и видите только буквы.

Нужно помнить, что творец высших ощущений есть Бог, возвышающий наше сердце до них, а не самый тот предмет, который, повидимому, произвёл их.

Приход Бога в душу узнаётся по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слёзы, беспричинные слёзы, происшедшие не от грусти или беспокойства, но которых изъяснить не могут слова.

Для меня удивительнее всего то, что те именно люди, которые признают Бога только в порядке и гармонии вселенной и отвергают всякие внезапные чудеса, хотят непременно, чтобы тут совершилось чудо, чтобы Бог вошёл вдруг в нашу душу, как в комнату, отворивши телесною рукою дверь и прознесши слово во услышанье всем. А позабыли то, что Бог никуда не входит незаконно; всюду несёт Он с собой гармонию и закон, нет и мгновенья беспричинного, всё обмыслено и есть уже самая мысль.

Чудеса, *повидимому беспричинные*, не случались с умными людьми. Они случались с простыми людьми, с теми людьми, у которых сила веры перелетела чрез все границы и через все их невеликие способности. За такую веру ниспосланы были и явления им, перешедшие все естественные границы. Но и тут, всмотревшись, можно толковать естественным образом: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видение.

Умный человек хочет, чтобы и с ним так же случилось чудо, как с другим, но уже за одно это безрассудное желание он достоин наказания. Ему скажется: «Тебе дан ум, зачем он тебе дан? Затем ли, чтобы ты с ним вместе дремал? Тот, как трудолюбивый крестьянин, работал от всех сил своих и выработал потом и слезами хлеб свой, а ты, могши наполнить им целые магазины, лежал на боку, и ещё хочешь, чтобы тебе бросилась такая же горсть, какая дана ему». Что на это придётся отвечать умному человеку?

Бог, руководясь великим смыслом, даёт иному в конце то, что другому в начале. Но блажен и в несколько раз блаженней тот, которому назначено вкусить за долгие и большие труды то, что другому за меньшие: душа его больше будет приготовлена, больше достойна и может более обнять и вместить в себе блаженства, чем душа другого.

* * *

НАЧАЛО, КОРЕНЬ И УТВЕРЖДЕНИЕ ВСЕМУ

«Претерпевый до конца спасётся», – сказал Спаситель – и сим уже открыл нам всю тайну жизни, на которую не хотим мы даже взглянуть очами, не только проразуметь.

Помешает ли кто-нибудь – это не моя вина, я этим не должен смущаться, если только действительно другой *помешал*, а не я сам себе помешал. Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущения с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно. Только мысля таким образом, мне кажется, можно остаться покойным среди всего. Кто же не может таким образом мыслить, в том, значит, ещё много есть тщеславия, самолюбия, желанья временной славы и земных суетных помышлений. И никакими средствами, покровительствами, защищениями не спасёт он себя от беспокойства.

Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живёт своими впечатлениями, когда не идёт отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег – Бога – и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже её долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, не спросил себя и не узнал, какие в нём сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире.

Начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу. Но у нас это начало в конце, и мы всё что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога. Любить Бога следует так, чтобы всё другое, кроме Него, считать второстепенным и не главным, чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих. Его советы выше всех советов, чтобы огорчить Его считать гораздо важнейшим, чем огорчить какого-нибудь человека.

Любить Бога значит любить Его в несколько раз более, чем отца, мать, детей, жену, мужа, брата и друга; а мы даже и так Его не любим, как любим их.

Кто любит Бога, тот уже гораздо более любит и отца, и мать, и детей, и брата, чем тот, кто привязывается к ним более, чем к самому Богу.

Только любовь, рождённая землёй и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимому, стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам.

Любовь душ – это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно; всё, что на земле умирает, то живёт здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство.

Людская любовь есть один оптический обман, плотская чувственная любовь, одно страстное обаяние. Такая любовь не может поступать разумно, потому что очи её слепы. Любовь же есть свет, а не мрак. В любви заключается Бог, а не дух тьмы: где свет, там и спокойствие, где тьма, там и возмущение. И потому любовь, происшедшая от Бога, тверда и вносит твёрдость в наш характер и самих нас делает твёрдыми; а любовь не от Бога шатка и мятежна и самих нас делает шаткими, боязливими и нетвёрдыми. И потому прямо от Божьей любви должна происходить всякая другая любовь на земле.

Любовь земная, происшед от Божией, становится чрез то возвышенной и обширней, ибо она велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим: она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его теле, но и о душе. Скорбеть на него не за то, что он наносит нам неприятности, но за то, что он сим поступком наносит несчастье душе своей.

Всё да управляется у нас *любовью к Богу*. Да носится она вечно, как маяк пред мысленными

нашими глазами! Блажен, кто начал свои подвиги прямо с любви к Богу. Он быстрее всех других полетит по пути своему и легко победит всё то, что другому кажется непреодолимым и невозможным. Весь мир тогда предстанет пред ним в ином и в истинном виде: к миру он привяжется потому только, что Бог поместил его среди мира и повелел привязаться к нему; но и в мире возлюбит он только то, что есть в нём образ и подобие Божие. И земной любви он поклонится не так, как грубый человек поклоняется образу, считая образ за самого Бога, но так, как поклоняется образу просвещённый верою человек, считающий его за одно бледное художественное произведение, поставленное только для напоминания, что нужно возноситься к Тому, Чьего образа невозможно увидеть нашими бренными глазами.

На всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одне искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить самого Бога.

Я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для Бога*. Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для Бога.

Даже и в минуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от Того, который глядит на нас и в минуты увеселений наших. Не упускайте и вы этого из виду.

Покоримся же Тому, кто лучше знает, что нам нужно и что для нас лучше, и помолимся Ему же о том, чтобы помог нам уметь Ему поклониться. Вспомним только одно то, что в Его власти *всё* и *всё* Ему *возможно*. Возможно всё отнять у нас, что считаем мы лучшим, и в награду за то дать лучшее нам всего того, чем мы дотолде владели. Отнимая мудрость *земную*, даёт Он мудрость *небесную*; отнимая зренье *чувственное*, даёт зренье *духовное*, с которым видим те вещи, перед которыми пыль все вещи земные; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даёт нам жизнь *вечную*, которая перед временной то же, что *всё* перед *ничто*. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу.

Мы, ещё доселе не привыкшие к вечному закону действий, который совершается для всех непреложно в мире, желающие для себя непрерывных исключений, мы, малодушные, способны позабыть на всяком шагу то, что должны вечно помнить, наконец, мы, не имеющие даже благородства духа ввериться Тому, Кто стоит того, чтобы на Него положиться. Простому человеку мы даже вверяемся, который даже нам не показал и знаков, достаточных для доверия, а Тому, Кто окружил нас вечными свидетельствами любви Своей, Тому только не верим, взвешивая подозрительно всякое Его слово.

От Бога свет, а не смущение.

Богу никак нельзя приписывать наших неудач. Бог милостив, и всякому, кто трудится с благоразумием и с осмотрительностью принимается за дело, Он всегда оказывает всемогущую Свою помощь. Бережёного и Бог бережёт, говорит старинная пословица. Но если, вместо этого, мы предадимся бесплодным мечтаниям и будем сидеть сложа руки, надеясь во всём на милосердие Божие, то мы никогда не будем иметь ничего.

* * *

НАС БОГ ВЫЗЫВАЕТ НА БИТВУ

Я испытал многое на себе. Во всём, чем только я займусь с большою осмотрительностью, хорошенько обсужу дело, поведу с величайшею аккуратностью и порядком, не занимаясь мечтами о будущем, во всём этом я вижу ясно Божию помощь.

Твёрдость, терпение и непоколебимая надежда на Бога. Вот что мы должны теперь избрать святым девизом нашим! Теперь-то мы должны показать, что мы христиане и что бедствия ничто над нами и не властны поколебать нас.

Нам грозит крайность. Это значит – нас Бог вызывает на битву. Он хочет поглядеть на нас, как мы пройдем по этому пути, и справедливо ли то, что мы говорили до сих пор, будто мы веруем в Него и на Него возлагаем надежду. Здесь-то мы должны показать присутствие духа. Это экзамен, на котором мы должны показать, что мы извлекли из всей жизни и как учились Его святой науке.

Никакая мысль человеческая не в силах себе представить сотой доли той необъятной любви, какую содержит Бог к человеку!.. Вот всё. Отныне взор твой должен быть светло и бодро вознесён горё – для сего была наша встреча.

Если вы смущаетесь чем-нибудь и что-нибудь земное и преходящее вас беспокоит, то будете отныне тверды и светлы верою в грядущее. Всё в мире ничто пред высокой любовью, которую содержит Бог к людям.

Имейте более веры в Бога, чем во все пустые смущения, которые приходят только в праздные минуты. Богу угодно – и я сей же час мёртв в своей комнате, не пускаясь ни в какую опасную дорогу; Богу угодно – и я невредим среди всех ужасов, пред которыми ничто та дорога, которая кажется вам так опасною.

Просил ли хоть один из вас, хотя раз в жизни, просил ли он Бога, чтоб Он вразумил его проразуметь смысл и значение посылаемого несчастья, увидеть его хорошую и благодетельную сторону? Нет, об этом никто не заботится, но в ту же минуту и даже как можно скорее стараются позабыть это несчастье, не хотят даже вспоминать о нём и никто не хочет взглянуть в него пристально: отчего оно случилось, не сами ли были виною его, не можно ли было как-нибудь предвидеть и отвратить его прежде, и для чего оно случилось, чего хочет от нас Бог этим несчастьем? Нет, думают, что оно так случилось без смысла, что Бог неразумно делает. «Так Богу угодно», – говорят обыкновенно. «Для испытания», – прибавляют другие – и даже не хотят размыслить, для какого испытания, в чём состоит это испытание.

Знайте же, что несчастий нет на свете, что в этих несчастьях заключены глубокие наши счастья. Всякий раз, после всякого приключения, какое ни сбывалось со мною и какое называется у иных людей несчастьем, очи разума моего становились яснее и в умилении душевном я видел, что несчастья суть крылья наши и приближают нас ближе к цели, от которой, повидимому, кажется, как будто отталкивают. Они суть Божии глаголы к нам и все полны мудрости необъятной. Но не думают, не хотят люди вникнуть в значение их, не хотят узнать, что Бог требует деятельности от ума нашего, что для пробуждения нашего посылаются несчастья и затруднения, что всякую минуту вызывает Он ими нас пробудиться от лени, объемлющей нашу душу, что всякую минуту говорит Он ими, что мы бесполезны и даром созданы на свет, что строго должны мы обсудить и взвесить себя и узнать, какая есть у нас истинно полезная сторона, не обманывают ли нас очи наши, будто бы уже, точно, нет никакой у нас способности, которую бы могли употребить на благо.

Нет бесполезного человека в мире, и горе тому, кто не откроет, на что он полезен, и не молит Бога о том, чтоб уяснил и открыл ему очи увидеть полезность свою. Ужасно был наказан тот, кто получил от Бога талант и зарыл его в землю, а нет человека, который бы не получил какого-нибудь таланта. Тому дано пять, тому два, тому один, тому мало, тому много, но всякому что-нибудь дано на долю, и равное взыскание будем всем.

Обращали ли вы хоть раз внимание на значение жизни человека? Человек призван в мир, стало быть, он нужен миру. Человек поставлен на этом месте, а не на другом, стало быть, он нужен на этом месте, а не на другом. Если же бы он не был нужен ни на что, он бы не стоял уже на земле, а где-нибудь

на воздухе, где бы ни один предмет вокруг него не напомнил ему, что он должен заниматься им.

Да если бы хотя один только год вошли мы в строгое познание долга нашего и выполняли бы его весь, не помышляя ни о чём, кроме его и Бога, Которому посвящён он и от Которого назначен, если бы хотя один год такого исполнения, то уже не было бы никакого желания нашего, которого бы не исполнил Бог, не было бы молитвы, которая бы не была Им услышана.

Но горе не умеющему ничем пожертвовать для долга, для которого он призван, горе возлюбляющему что-нибудь на земле больше Бога! Страшно накажется он. И, живя такую жизнью, разве можно ясными очами видеть то, что происходит вокруг, разве можно видеть действительность в настоящем виде? Закрыты очи такого человека, и он пугается действительности и бежит от настоящей минуты; всё в непонятной путанице представляется глазам его, и он старается только, как бы позабыть всё и куда-нибудь убежать от такого страшного бестолковья, и уже не старается ни о чём более, как только развлечь чем-нибудь тоску, наведённую сим бестолковьем, бежать куда-нибудь от тоски, не думая о причинах этой тоски, не разбирая, откуда произошла она, полагая, что она просто от недостатка удовольствий и развлечений, что в другом месте её нет, забыв, что тоска живёт не в каком-либо месте, городе, деревне или ином углу земли, а живёт в нашем собственном сердце, что от неё не убежишь, что она постигнет среди столичных развлечений, балов и всего, что выдумало многолюдство и мода, и что можно не знать её, живя на Камчатке.

* * *

ВЕСЕЛЬЕ ДАЁТСЯ В ТРУДЕ

Увы, кто гонится за весельем, тот прежде всех поймает тоску.

Веселье не даётся нам даром, оно даётся нам в награду, оно входит к нам в душу только тогда, когда довольна собою душа, когда слышит она сама, что сделала благое и полезное.

Веселье в труде, не в том труде, который предпринимаешь для развлечения, но в том труде, в котором убеждён, что он полезен и благодетелен, трудясь над которым чувствуем, что трудимся для благополучия других, в том труде, когда вовсе не думаем: я бы трудился, если бы был там-то, если б для меня было сделано прежде вот то-то, если б я был в таком-то положении. Нет, когда, напротив, всегда готов на дело, среди каких бы обстоятельств ни поставил тебя Бог, Который не оставит нас без цели нигде и ждёт только, чтоб мы догадались и осмотрели всё ясными очами.

Когда принимаемся за труд не иначе, как за богоугодное и высокохристианское дело, такой только труд святится и может дать веселье душе. После него всякая минута веселья кажется нам веселее вдвое, пляшет дух от веселья, светлеют очи, смеются весёлые мысли, хорошеет и молодеет и лицом человек. Это тот разумный и покойный труд, который происходит только после глубокого обдумывания, когда принимаешься за дело не с жаром и опрометчивостью, которые скоро простывают, но вглядевшись в него пристально, осмотревши его со всех сторон, узнавши совершенно весь ход дела, наблюдавши сначала долго над другими, когда зная, как делает один, ещё недоволен тем и стремишься узнать, как в таких обстоятельствах делает другой, и отчего у одного лучше, нежели у другого; и когда, узнавши всё, вообразивши, какие могут быть неудачи и потери, ещё не принимаешься за дело, ещё обсмотришь его, и хоть покажется, что уж совсем понял дело, хоть даже сильное почувствуешь желание приняться за работу, всё ещё умеряешь себя, поверяя, не отыщется ли ещё чего-нибудь заметить.

Когда во время самого совершения труда совершаешь его покойно, размеренно, отдыхаешь не тогда, когда совершенно выбился из сил, но тогда, когда чувствуешь, что ещё бы хотелось заняться, дабы потом с нетерпением ожидать часа и минуты приняться за него вновь в урочное время. Такой только труд может быть вполне мудр и выгоден и может обогатить нас духовно и вещественно, ибо всё, что ни есть вокруг нас, всё создано для нашего обогащения; нет предмета, из которого нельзя бы было извлечь выгод, которые не дали бы потом процент на процент, нет малейшей статьи, которая бы не дала пользу, ибо ничто не создано Богом без пользы. Но оптупела голова наша, лишённая упражнения, омертвел ум наш, объятый дремотами лени и бездействия, лишился остроты и тонкости взгляд наш, ослепли очи и потеряли ясновидение, и в отдалённом, в безрассудном стали мы искать теперь того, что должны были находить в близком и разумном.

Только один позабытый нами полезный труд есть родник душевного веселья, твёрдого стояния в мире, непоколебимого покоя душевного, ясного воззрения на мир, светлого стремления к Богу. Много сокрыто в нём ныне нам неведомых наслаждений и высоких явлений, в нём ближе и доступнее к нам Бог и по мере разумного стремления нашего соделывает нам ежеминутно легче и легче сей труд и потом весь его превращает нам в радость.

* * *

БУДЬТЕ СВЕТЛЫ

Глядите просто на мир: он весь полон Божиих благодатей, в каждом событии сокрыты для нас благодати, неистощимыми благодатями кипят все несчастья, нам ниспосылаемые, и день, и час, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями бесконечной любви. Чего ж вам более для возвышения духа? Будьте просто светлы душой, не мудрствуя. И если это вам покажется трудно и невозможно подчас, – всё равно, старайтесь только стремиться к светлости душевной – и она придёт к вам.

Стремясь к светлости, вы стремитесь к Богу, а Бог помогает к себе стремиться. Старайтесь просто, без всякого напряжения душевного, быть светлу, как светло дитя в день Светлого Воскресения, и вы много, много выиграете и незаметно вознесётесь выше всего окружающего.

Если подвергнется сильному ответу тот, кто не искал Бога, то ещё сильнейшему тот, кто убежал от Бога.

Во всяком случае, если кто-нибудь чего-нибудь у нас требует или просит во имя Бога, и если его просьба не противоречит ни в чём Богу, и если он умоляет всюю душою исполнить его просьбу, тогда слова его нужно принять за слова самого Бога. Сам Бог его устами изъясляет Свою волю. Так я привык верить и подтверждение этому находил повсюду.

Веселей и добрей будем все духом и докажем Богу, то мы умеем надеяться на Него, хотя бы и всё шло наперекор, умеем любить Его не потому только, что Он исполняет то, что нам нравится. Нет, докажем Ему, что мы умеем Его любить, не торгуясь с Ним, умеем любить бескорыстною любовью.

Любовь Божья так безгранично безмерна к людям, что если бы мы прозревали поглубже в смысл всех совершающихся с нами событий, то, вероятно, вся жизнь наш обратилась бы в одни слёзы благодарности.

Будьте светлы и старайтесь насильно быть светлу и веселу душой.

Стараясь засмеяться смехом души, мы уже призываем ангела на уста наши, который помогает нам потом действительно засмеяться таким смехом. Всё до последней мелочи мы должны приобретать в сей жизни насильно, и ничего не даётся нам даром.

Я думаю, что мы все в этом мире не что другое, как подёнщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые дал нам Бог, работать Ему, ожидая платы не здесь, а там. А какое именно влияние произведёт наш труд на людей, как велико или обширно это влияние – это совершенно во власти Того, Кто располагает делами мира.

Часто тот, кто задумает произвести добро производит зло; мы сеем и сами не знаем, что именно сеем. Один Бог возвращает плод, даёт ему вид и форму.

Как нам знать, кто больший из нас, кто лучший, когда первые будут последними, а последние первыми? Иногда бывает и то, что неблестящий труд труженика, никем не оценённого, всеми позабытого, вдруг чрез несколько веков, попавшись в руки какому-нибудь не совсем обыкновенному человеку, наводит его на гениальную мысль, на великое и благодетельное дело. Дело изумляет мир, а первоначальный творец его не изумил им даже и небольшой круг людей, его знавших.

Не грустите же о том, что вам нет поприща или что поприще ваше тесно. Только молитесь постоянно Богу, чтобы Он удостоил вас послужить Ему честно, добросовестно, прилежно, всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта.

* * *

БЛАЖЕНСТВО МОЛИТВЫ

Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила наконец в двери небесные и ум наш не озарился бы вразумлением свыше, как нам быть и что делать.

Вы думаете, легко помолиться так, как следует? Нет, не сделавши доброго дела, не сделавши ничего для своего ближнего, не подействовавши благотельно на его характер, не обративши его истинно к Богу, никогда не помолитесь вы так, как следует помолиться.

Не держаться ума плохо. Лучше молиться Богу, но работать всеми способностями и силами. Бог не оставит на дороге заблуждения того, кто Ему молится и от всех сил хочет Ему работать, хоть бы и заставил его лукавый поколесить несколько в сторону. Бог выведет его вновь на дорогу. Молящегося Бог никогда не оставит.

По мне, пусть себе идёт человек, по какой хочет дороге, да пусть только не позабывает молиться, а что в нём просятся на свет какие-нибудь силы и способности, значит, что в нём точно они есть. Но если он сам достаточно не вызрел, они явятся сначала в преувеличенном, мутном виде, потом понемногу станут изливаться ясней и наконец примут законный вид и войдут в свои границы.

Молитва – святое дело, но помните, что она ничтожна, если не сопровождается святыми делами. Молитвы дел, а не молитвы слов требует от нас Иисус.

Молясь Богу, нужно всё простить всем и, кроме того, предаться совершенно в волю Божию и душою, и телом, и всем существованием, и всё принять радостно, что ни пошлёт Он нам.

Молиться Богу всё равно, в каком бы месте вы ни молились. Он вездесущ, стало быть, Он везде слышит нашу молитву, и Ему не столько молитва нужна, сколько нужны дела наши.

Всякое дело и начинание да сопровождаем всегда душевной внутренней молитвой, не такой молитвой, какую мы привыкли повторять ежедневно, не входя во смысл слова, но такой молитвой, которая бы излетела от всех сил нашей души и после которой, благословясь и перекрестясь, могли бы вдруг приняться за самое дело.

Разбросанных сил никто не знает и не видит и никогда не может сказать наверно, в каком они количестве. Когда они собраны вместе, тогда только их узнаешь. А собрать силы может одна молитва.

Наш христианский долг образовать и воспитать душу, чтобы не пустая молитва, а дела означили любовь нашу к Богу.

Не думайте, чтобы вы были бедны для того, чтобы помогать другим. Для этого не может быть беден человек. Не богатством, не деньгами мы можем помогать другим, но гораздо более мы можем помогать сердечным чувством, душевным словом, воздвигая, ободряя падший дух.

И потому, если вы услышите, что где-нибудь страждет благородный душою человек, терпит горе жизни и готов предаться отчаянью, то спешите к нему первые на помощь.

Скажите ему прежде всего: он должен благословить свою бедность и несчастья. Они становятся человека ближе к Богу; они доставляют ему случай совершить те подвиги добродетели, которые редко доводится совершить человеку, ибо среди бедности, среди угнетений стать твёрдо, не упасть и совершить благородный подвиг несравненно выше, чем совершить таковой же подвиг среди богатства и довольства, хотя бы для этого даже вздумал человек истратить всё своё богатство.

Пусть и в мысль не приходит ему, что подвиг его может быть безответен и не найдёт отголоска. Везде найдётся благородная душа, которая откликнется ему и осветится сама силой его подвига; ибо прекрасные подвиги сообщаются, и есть много тайн во глубине души нашей, которых ещё не открыл человек и которые могут подарить ему чудные блаженства.

Прекрасная душа мне дорога. И молитва ничто мне, если суетна, напротив того, она страшна даже, потому что ниспровергается на голову тех, которые всеу произносят.

Если человек молится и не умеет удержаться от чувства гордости и самолюбия, и негодует, и ропщет на оскорбление, которое ему нанесли, если он молится и не умеет чувствовать любви даже и к врагам своим, то молитва его будет вопиять против его самого.

Молиться прекрасно и нужно. Но послушай слово желающего тебе истинно добра и старайся молиться, как должен молиться христианин. Приходило ли тебе когда-либо живо в ум, не приступая к молитве, произвести сердечную исповедь? Умеешь ли ты припомнить свои поступки и строго осудить их? Умеешь ли ты во всём обвинить себя, а не других, потому что обвинение других есть уже не христианское чувство, хотя бы даже другие и точно были виноваты, а без христианского чувства нельзя молиться. Умеешь ли ты сказать вместо слов: Господи, прости таким-то, которые нанесли мне зло, – Господи, прости меня за то, что мне кажется, будто они нанесли мне зло. Если ты умеешь это сделать, то тогда прекрасна твоя молитва, она понесётся прямо к Богу, она доставит много душевных глубоких утешений.

Кто Богу молится, тот всё, к нему приходящее, приемлет, как бы приходящее от самого Бога, и во всех словах, к нему обращённых, ищет указания Божия и находит его. Кто Богу молится, тот не только не опечалится от жёстких слов и упрёков, которыми бы стали осыпать его, но ещё ищет их (хотя бы они были не только от любящих его, но даже от ненавидящих).

Не делайте никого свидетелем излиятий досады или огорчений, не сообщайте никому тревожных беспокойств ваших, но обратитесь с ними прямо к одному Богу. Его одного изберите вашим другом и поверенным ваших беспокойств, жалуйтесь перед Ним, лейте слёзы перед Ним, просите с тем вместе прощения у Него за неблагодарность, за малодушие, просите о ниспослании сил истребить в себе то и другое и победить их – и вы их победите и возвратитесь утешенным и твёрдым от вашей молитвы. Ужели вы не верите этому? Ужели Тот, Кто одарил вас таким множеством благ, откажет вам и в этом?

Один Бог может знать, кто как молится. Но если определено Его святой волей кому-нибудь из нас страдать, то да будет Его святая воля! И если Его святой воле угодно, чтобы моя жизнь или жизнь кого другого, которому бы следовало принести много добра на Руси, была снесена с лица земли, то, верно, это лучше, чем если бы она длилась, и не нашим малым умом судить об уме великом.

Лучше всего молиться не о том, чтобы было всё так, как хочется нам, а о том, чтобы было всё так, как угодно Его святой воле. Мы в неведении своём часто сами не знаем, чего просим.

Мне тогда только будет радостна встреча со всеми близкими душе моей, когда они будут счастливы, а счастье наше от нас самих, от исполнения наших обязанностей и от умения возлюбить Бога больше всякой светской дряни, к которой мы так охотно привязываемся. Сим одним только приводится душа наша в непоколебимое ничем стояние.

Вдохновеньем много постигается того, чего не достигнешь никакими учёными трудами.

Как испросить вдохновенья? Нужно послать из души нашей к нему стремление: чего не поищешь, того не найдёшь, говорит пословица.

Стремление есть молитва. Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души и всеми силами души; без того она не взлетит. Молитва есть восторг. Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего Бог хочет, а не о том, чего мы хотим.

Как узнать хотение Божие? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других, теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога, иначе оне не были бы нам даны.

Прося о пробуждении наших способностей, мы будем просить о том, что согласно с Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будет услышана.

Нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. Если такое постоянное напряжение хотя на две минуты в день соблудности в продолжение одной или двух недель, то увидишь её действия непременно.

Но повторю вновь: молитва должна быть от всех сил души.

* * *

МНОГО РАЗВЕВАЕТСЯ БЕЗНРАВСТВЕННОГО ПО БЕЛУ СВЕЛУ, НО...

Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и с возрастающею силою будем посылать из груди нашей постоянное к тому стремление.

Много развевается холодного, безнравственного по белу свету. Много прорывается отовсюду всяких пропаганд, грызущих, повидимому, как мыши, все твёрдые основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падёт волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он – высший разум, превыше всех наших ежеминутно ошибающихся умозаключений, – так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодарить. Молиться за всех, благодарить за всё.

Не смущайтесь никакими событиями, какие не случаются вокруг вас. Делайте каждый своё дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займётся собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Всё придёт тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему, и человечество двинется вперёд.

Поверьте, что искать, желать, просить и молить о благодати есть уже действие и подвиг. А потому, чем меньше исполняется наше моление и замедляется ответ нам, тем сильнее и твёрже должны мы быть в надежде на Бога, и поступающий так не будет в убытке в будущей жизни и получит место перед многими праведниками, из которых некоторым относительно его может сказаться то же, что сказано было человеку, вкусившему удовольствие на земли, т.е. ты имел уже на земли многое.

Более из нас грешен тот, кто, возгордившись благодатным состоянием души своей, возмнил бы, что он уже достиг того, что нужно, что ему нечего уже делать, что ему можно уже покойно умереть, что он уже достоин Небесного Царствия. Будьте же тверды и не уставайте в молениях.

Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем тёмно представляется, и мы едва [можем знать без этого, каков земной наш путь, куда и как нам надлежит идти.]

* * *

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВСЕ В ОБЕТОВАННОЙ ИСТИННО СТРАНЕ

Путь жизни – один, и все мы рано или поздно сойдёмся на этом пути. Знание этого пути слишком ясно заложено в наше сердце, слишком широка и заметна эта дорога для того, чтобы не попасть на неё. В конце дороги этой – Бог, и Он зовёт нас к Себе, и как больно смотреть на людей, когда они идут мимо этой дороги, дорогою смерти.

Я уверен, что мы встретимся вновь, и встреча эта будет радостней всяких встреч юности. Я уверен, что не только встретятся со мною все те, которые наделены прекрасными дарами, но даже и все те, которые их имеют гораздо меньше. Все сойдёмся мы на одной дороге. Дорога эта слишком положена в основу нашей жизни, слишком широка и заметна для того, чтобы не попасть на неё. В конце дороги этой Бог; а Бог есть весь истина; а истина тем и глубока, что она всем равно понятна, и мудрейшему и младенцу.

Хорошо бы нам хотя половиною мыслей стремиться жить в иной, обетованной истинно стране. Блажен, кто живёт на этой земле, как владелец, который купил уже себе имение в другой губернии, отправил туды все свои пожитки и сундуки и сам остался налегке, готовый пуститься вслед за ними. Его не в силах смутить тогда никакая земная скорбь и огорченья от всякого мелкого дразга жизни.

Я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни, и как погляжу я только, к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете «неудачами», то растроганная душа моя не находит слов благодарить невидимую руку, ведущую меня.

Всё, верь, пройдёт, когда захочет Бог, и будь во всём Его святая воля!

Это не простым случаем случилось, что правила эти попали к вам в руки. Тут была воля высшая. Мы все орудия Божиего провидения. Оно употребляет нас для нас же.

Будьте светлы, ибо светло грядущее, и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь Бога к человеку.

Скучно на этом свете, господи!

* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
ПУТЬ ЖИЗНИ ШИРОК	
НАУКА ЖИЗНИ – ВОТ ЧТО ВСЕГО НУЖНЕЕ	
ТАЙНЫ ДУШИ	
ЛЮБВИ НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ	
РАБОТАЙТЕ СВОЁ ДЕЛО	
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ УНЫНИЯ	
Я ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ НЕ ГРУСТИТЬ	
БУДУЩЕЕ В НАШИХ РУКАХ	
ВОЗЬМИТЕ НАКОНЕЦ ВЛАСТЬ НАД СОБОЮ	
СТАНЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ТЫ ЕСТЬ	
НАД СОБОЙ БОДРСТВУЙ ЕЖЕМИНУТНО	
ВСЁ НА СВЕТЕ ОБМАН	
СТРАННЫЕ МЫСЛИ	
ВСЯКОЕ ОБЩЕНИЕ НЕДАРОМ	
ВСЁ, О ЧЕМ ТАК ХЛОПОЧЕМ, ЕСТЬ ПРОСТО СУЕТА	
СТРАННЫЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА	
ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ УМА	
ВЕЛИКАЯ ПОМОЩЬ СТРАЖДУЩЕМУ	
ПОМНИ О СМЕРТИ	
СПАСАЙ ЧИСТОТУ ДУШИ СВОЕЙ	
ВЫСОКО ВОЗВЫШАЕТ ИСКУССТВО	
СМЕХ ДАН НА ДОБРОЕ ДЕЛО	
НЕ ДЕЛО ПОЭТА ВТИРАТЬСЯ В МИРСКОЙ РЫНОК	
ПОПРИЩЕ СЛОВА	
БЕЗ ИСКУССТВА МИР БЫЛ БЫ ПУСТЫНЯ	
СИЛА И СЛАБОСТЬ СЛОВА	
ПРОЧИТАВШИ, ПРЕДАЙСЯ РАЗМЫШЛЕНИЮ	
ПУСТЫЕ ПРИЛИЧИЯ СВЕТА	
СОБСТВЕННАЯ НАША ДУША	
СВЯЩЕННАЯ ВЕРА	
ПРИХОД БОГА В ДУШУ	
НАЧАЛО, КОРЕНЬ И УТВЕРЖДЕНЬЕ ВСЕМУ	
НАС БОГ ВЫЗЫВАЕТ НА БИТВУ	
ВЕСЕЛЬЕ ДАЁТСЯ В ТРУДЕ	
БУДЬТЕ СВЕТЛЫ	
БЛАЖЕНСТВО МОЛИТВЫ	
МНОГО РАЗВЕВАЕТСЯ БЕЗНАВСТЕННОГО ПО БЕЛУ СВЕТУ, НО	
МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВСЕ В ОБЕТОВАННОЙ ИСТИННО СТРАНЕ	